

ЛЕТЯЩИЙ В ШТОРМ

СЕРГЕЙ САМОХИН

Сергей Самохин
Летящий в шторм

«Автор»

2026

Самохин С.

Летящий в шторм / С. Самохин — «Автор», 2026

Он уже не тот, кем был раньше. Но и тем, кем станет, он ещё не стал. Во второй книге цикла «Ветер» герой оказывается на границе миров — между прошлым, от которого нельзя просто отказаться, и будущим, в котором нет готовых ответов. Новый мир открывает перед ним возможности, о которых раньше невозможно было даже мечтать, но за каждую из них придётся платить — временем, доверием, а иногда и жизнью. Полёты сквозь шторм, чужие законы, первые союзники и первые сомнения. Крису предстоит понять: сила — это не только умение выживать, а ответственность за тех, кто идёт рядом. «Летящий в шторм» — это не просто продолжение истории. Это шаг вперёд, где ставка выше, мир шире, а ошибки больше не прощаются.

© Самохин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая – Атлантис, второй сектор	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Самохин

Летящий в шторм

Часть первая – Атлантис, второй сектор

Глава 1

Помещение, в котором я провел всё время с того момента, как очнулся, я успел изучить досконально. И немудрено – я не знаю, как давно нахожусь здесь, но уже даже успел отлично выспаться. Комната была небольшой, по размерам вполне сопоставимой, пожалуй, с гостиной в доме Марии. Однако на этом сходство заканчивалось. Всё остальное здесь было совершенно иным. Незнакомым, но не пугающим – скорее, жутко интересным.

Кровать я опознал сразу. Она напоминала обычную, но была сделана из странного материала – прочного, гладкого на ощупь и совершенно непохожего на знакомое мне дерево или железо. Весь каркас был изготовлен из этого незнакомого вещества, а вот само ложе оказалось по-настоящему мягким и податливым. Я не решился ковырять покрытие, не зная, как отреагируют на мою любознательность хозяева этой комнаты. Кровать стояла у стены. С одной стороны кровати располагался маленький стол, с другой – необычный стул. В отличие от кровати и стола, стул не был прикреплен к полу, и я удивился его лёгкости, когда попробовал его поднять. Он запросто выдерживал мой вес, но при этом я не сомневался, что сумел бы сломать его при желании.

Дверь, разумеется, имелась, но она оказалась встроена в стену так мастерски, что щели по ее краям были едва заметны. Как я ни старался, но так и не смог найти замочную скважину, и потому не мог себе представить, как эта дверь должна запирается. Окон в комнате не было совсем, и самой удивительной загадкой для меня оказался источник света – я так и не понял, откуда свет поступал. Казалось, он исходил отовсюду, и ниоткуда одновременно. При этом мне не было ни тепло, ни холодно, не смотря на то, что очнулся одетым лишь в одни очень тонкие и легкие штаны из светлого прочного материала. А больше в комнате не было абсолютно ничего. Таким образом, изучать больше было нечего, а глазеть на ровные белые стены – так себе развлечение, на самом деле. Мне оставалось только ждать. Ждать, и прокручивать в памяти момент, когда нас нашли.

Мы с Орвином успели подвигать странные деревянные рычаги в деревянном шкафу Волков, и даже поняли примерно, как они влияют на наше падение. Понимание это не принесло нам ровным счетом ничего — мы понятия не имели, куда мы падаем. Порой, взглядываясь сквозь маленькое смотровое окошко в белесую пелену, мне начинало казаться, что мы не падаем, а просто висим в мчащемся мимо нас воздухе. И тогда мне становилось по-настоящему страшно. Падение рано или поздно должно закончиться, рассуждал я, а вот если мы висим неподвижно, то... Дальше думать не хотелось. Я как раз уже успел раскаяться в том, что не сдался в плен людям Неизвестного, как вдруг нас сильно потрянуло.

– Крис, что ты делаешь? И как ты это делаешь? – удивленно глянул на меня Орвин.

– Это не я, – честно признался я.

И тут нас потрянуло еще раз, сильнее, и наш деревянный шкаф начал заваливаться на бок. Орвина кинуло на меня, я постарался упереться хотя бы во что-то, нас потрянуло еще раз, и что-то снаружи протяжно негромко завывало.

– Это медведь! – крикнул мне прямо в лицо мой друг.

Я понятия не имел, как на самом деле выглядит или рычит медведь, но Орвину поверил сразу. Только я успел подумать, откуда в этой пелене взялся такой хищник и зачем он нас атакует, как нас потрянуло еще раз, ударило обо что-то той стороной, на которой я лежал, куда-то протащило – и все затихло.

– Слезай с меня, – прошипел я Орвину, дикими глазами оглядывающемуся вокруг.

– Тут узко! Куда я слезу? – резонно спросил мой друг, но завопил, больно задевая меня локтями.

Шкаф лежал на боку, и сместиться в сторону в таком положении для нас было решительно невозможно.

– Давай хотя бы попробуем встать на ноги, – прошептал я, стараясь увернуться от мельтешащих перед моим лицом локтей Орвина.

– Давай. А ты с медведем справишься? Своими тайными приемчиками?

– Откуда мне знать? Я настоящих медведей не видел никогда. И нету у меня никаких тайных приемчиков. Вставай давай.

После долгой возни нам удалось подняться на ноги. Шкаф больше не трясся, и я уже стал пробираться к смотровому окошку, как вдруг неподалеку от нас снаружи что-то зашипело. Я почувствовал движение воздуха, и мои ноги подкосились. Успел заметить, как с дурацким выражением лица рядом валится с ног Орвин... и вырубился.

И очнулся в этой светлой, странной комнате. Один – и в чужих штанах. Куда-то мы попали. И явно не к медведю.

Я как раз размышлял, где сейчас может быть Орвин, и пропустил момент, когда дверь в мою комнату открылась. А все потому, что открылась она совсем бесшумно. В дверях стояли двое – впереди невысокий сухой мужчина, годящийся возрастом мне в отцы, и одетый в сплошную необычно выглядящую светло-серую одежду, как будто кто-то сшил штаны с рубашкой. Причем проделал это так ловко, что шва от соединения не осталось. У мужчины был пояс, а на нем – странный небольшой чехол. И никакого меча или ножа. Из-за плеча первого вошедшего выглядывал невысокий старик, с не очень опрятной космой седых волос на голове и короткой бородой. Старик был одет в светлый халат, из-под которого виднелись темные штаны. Оба вошедших пару мгновений смотрели на меня, а затем старик решительно протиснулся вперед. Наверное, он решил, что я безопасен и не причиню ему никакого вреда. В этом он был совершенно прав.

– Идите. – сказал старик. И тут же добавил, – Идите. –

Вопросительную интонацию я разобрал. Но и только.

– Не понимаю, – пожал плечами я.

– Старый? – старик удивился и сделал шаг ко мне. – Говорить на старом? Я давно не слышал старый.

– Я не знаю, что такое “старый”, – сказал я и улыбнулся как можно дружелюбнее.

Старик выглядел очень удивленным и совершенно не опасным. Он говорил странно, медленно, но я его понимал. Он обернулся к первому мужчине, что-то сказал ему – словами, из которых я не понял ничего. Мужчина что-то ответил, указывая на меня. Они коротко переговорили, потом человек, у которого зачем-то штаны были скроены вместе с рубашкой пожал плечами, и отошел на шаг назад.

– Идите. – старик нахмурился, наморщил лоб. – Идем. Тут недалеко. Я тебя буду смотреть. Надо смотреть. Больно?

– Нет, у меня ничего не болит. Ну, почти ничего, – сказал я, вставая с мягкой кровати.

– Старый... Удивитель! – старик покачал головой, осторожно взял меня за локоть и направил к выходу. – Идем.

Мы вышли в длинный коридор, залитый таким же мягким, идущим ниоткуда светом. Человек в сером посторонился, пропуская нас, и пошел следом, чуть сбоку от меня. Правую руку он держал на небольшом чехле на поясе. Я догадался, что там спрятано оружие, но какое именно – даже представить не мог.

Мы прошли совсем недалеко – не так, как мне довелось ходить в замке Неизвестного. Уже за следующим поворотом коридора мы вошли в похожую дверь и оказались в комнате побольше моей, но настолько заставленной странными вещами, что у меня разбежались глаза.

– Сидеть. Садись! – старик опять нахмурился, как будто вспоминая слова. – Тут.

Он указал на стул, стоящий у большого стола, на котором было столько всего... Я с трудом опознал странную кружку абсолютно белого цвета. Посередине стола лежало несколько ровных, прямых свитков – на них кто-то что-то рисовал или записывал. На столе были расставлены и другие предметы – большие и маленькие, – о назначении которых я даже не догадывался. Я сел на стул и осмотрелся. В углу комнаты стояли два светлых шкафа с передними дверцами из какого-то тонкого стекла. У другой стены – высокая кровать. На вид – не такая удобная, как та, на которой я только что спал. К тому же над ней висели какие-то странные штуки, напоминающие тонкие ветви незнакомого мне страшного дерева. Ложиться на эту кровать мне совершенно не хотелось. Человек в сером, вошедший за нами следом, что-то спросил у старика. Тот ответил – и „серый“ вышел за дверь, бросив на меня недоверчивый взгляд. Старик обошёл стол и плюхнулся в свой стул, который, к моему удивлению, почти бесшумно отъехал в сторону вместе с ним. Он начал нажимать пальцами на какую-то тёмную дощечку перед собой, глядя при этом вовсе не на руки, а на другую – чёрную, плоскую, ровную и тонкую доску, укреплённую вертикально на столе.

Я сидел тихо и не отвлекал человека от его странных занятий. Старик недолго нажимал пальцами на доску – что-то у него, видимо, не получалось. С раздражением он поднял со стола маленькую коробочку, размером меньше чернильницы, стоявшей у Священника в церкви, где я учился. К моему удивлению, коробочка коротко щелкнула на старика, а он сказал в нее несколько фраз. Я удивился еще больше, когда из коробочки донесся другой голос, что-то спросивший в ответ. Старик о чем-то поспорил с неожиданно разговорчивой коробочкой, и снова положил ее на стол, теперь уже удовлетворенно глянув на меня.

– Ждем. Недолго. Идет мой друг, он хорошо говорит. Недолго.

Ждать действительно пришлось недолго – вскоре дверь распахнулась, и в комнату буквально влетел очень полный мужчина, в наспех наброшенном на плечи белом халате. Под халатом мужчина был одет в светлую рубашку и темные штаны. В общем, ничего примечательного – разве что тот факт, что он был совершенно лыс. Он быстрым шагом пересек комнату и обменялся рукопожатием с "моим" стариком. Что же, по крайней мере, люди приветствуют друг друга тут так же, как на Староборе. После приветствия мужчина взглянул на меня и подошел ближе. Я на всякий случай встал со стула, и осторожно пожал протянутую мне руку. Ладонь у него была мягкая, но рукопожатие – крепкое и уверенное.

– Доброго дня. Меня зовут Эмиль Шеви, доктор Эмиль Шеви. Я здесь руководитель местного медицинского пункта. Как вас зовут? Вы понимаете меня?

Говорил он отчётливо и понятно. Некоторые слова он тянул немного странно, но я всё прекрасно понимал.

– Меня зовут Крис. Да, я вас очень хорошо понимаю.

– Крис... А дальше как?

– Дальше? – растерялся я, сразу вспомнив разговор с Неизвестным. – Дальше никак. Просто Крис. А как должно быть дальше?

– Обычно у людей два имени – точнее, имя и фамилия. Имя дают родители, а фамилия показывает, к какой семье ты принадлежишь.

Похоже, человека с длинным странным именем «Доктор Эмиль Шеви» ничуть не смутила моя неосведомлённость в вопросах имён. Он уселся на край стола и жестом указал на стул, с которого я только что встал.

– Впрочем, это неважно. Крис так Крис. Вы садитесь. У нас к вам очень много вопросов. И я очень надеюсь, что вы на них ответите.

– Я постараюсь... А где Орвин? – заметив недоумение обладателей белых халатов, я пояснил. – Он был со мной в том шкафу, в котором мы летели. То есть падали. Он мой друг. И он ни в чем не виноват.

– А кто говорит о виноватых? – приподнял бровь мой собеседник. – Ваш друг в порядке, он тут, у нас. У него много ушибов, и рана в плече, но вы не волнуйтесь, Крис – с ним всё будет хорошо. Скоро вы сможете увидеться, я вам обещаю.

Новость о том, что с Орвином всё хорошо, очень меня обрадовала. Мужчина мог, конечно, и обманывать, но мне очень хотелось ему верить. Я снова сел и кивнул.

– Спрашивайте.

– Прежде всего, вы знаете, откуда к нам попали? С какого... мира? – Доктор Эмиль Шеви запнулся, явно подбирая слово.

– Знаю. Мир называется Старобор. Он очень большой, там все есть: леса, поля, даже звери. Там живет много людей. Но там началась война, и мы с Орвином... нам пришлось оттуда сбежать.

– И этот, ммм... это сооружение, на котором вы летели – его тоже сделали на Староборе? Вы сами его сделали?

– Нет, его сделали не мы, а Волки. Я думаю, им что-то подсказал Неизвестный. – увидев полное непонимание в глазах обоих мужчин, я вздохнул. – Это очень длинная история. Наверное, стоит начать с самого начала. У вас есть вода?

Воду мне дали сразу, налив ее из очередного непонятного предмета, стоявшего в углу за дверью. Я выпил кружку залпом, попросил еще, и дальше пил потихоньку, начиная рассказывать. Я не видел ни одной причины что-либо скрывать или лгать. Совсем наоборот – я очень надеялся, что эти мужчины смогут мне помочь. Раз у них там много чудных вещей, то и возможностей у них должно быть много.

Я начал рассказ с Вильма, без лишних подробностей, сам удивляясь, как бесконечно далек от меня стал мой родной мир. Потом рассказал про Старобор, причем пришлось рассказать еще и о войне Волков с Князем, чтобы было понятно, кто враги, а кто нет. Закончил описанием нашего с Орвином побега, и теми странными ударами, которые мы почувствовали в самом конце. Рассказывал я долго, но меня слушали не перебивая. Когда я закончил, устав от такой долгой болтовни, двое мужчин переглянулись между собой.

Они обменялись парой непонятных для меня фраз, после чего Доктор Эмиль Шеви вдруг сказал:

– Нет уж, дорогой Ави, давайте говорить на старом. Вам не мешает освежить память, да и я, признаться, начинаю некоторые слова забывать.

Затем он повернулся ко мне и взглянул пристально, будто пытаясь заглянуть прямо в душу.

– Крис, спасибо вам за рассказ. Честно говоря, у меня столько вопросов, что мы могли бы просидеть тут не один день. Но я понимаю ваше состояние. Сделаем так: мы немного поговорим, а потом вы отправитесь отдыхать в вашу комнату. Конечно, вас накормят.

Увидев, что я собираюсь что-то возразить, доктор поднял руку, прерывая меня:

– Я помню про вашего друга! Орвин, верно? Я непременно узнаю, как он себя чувствует. Возможно, вы увидите уже завтра. Хорошо?

Я кивком головы подтвердил, что "накормят" и "завтра сможете увидеться" действительно хорошо.

– Вот и замечательно. Крис, вы можете описать поподробнее Вильм и Старобор? Размеры, растения, животные. Погода – это, пожалуй, самое важное. Может, вы смогли бы нарисовать?

Он схватил со стола – у Ави, как я понял – чистый ровный свиток и нечто, напоминающее плуг, которым я когда-то рисовал карты. Я осторожно пододвинул свиток и взял в руки лёгкий, ровный и гладкий плуг. Где чернила?

– Прости, Крис. – отчего-то смутился Доктор Эмиль Шеви. – Я совершенно забыл, что ты... Ты, прости за вопрос, умеешь писать? Или рисовать?

– Я немного учился у Священника, – неуверенно сказал я. – Только там свитки были другие. И плуг... Но я попробую.

– Свитки? А, понимаю. У нас это называется “бумага”. А то, что ты держишь в руке – графокар. Ему не нужны чернила, ты можешь писать сразу. Если перевернешь его другой стороной, то он стирает то, что ты написал. Попробуй.

Конечно, я попробовал. Надо сказать, рисовать этим графокаром было удобнее, чем плугом. Линия выходила ровной, одинаково тонкой. К сожалению, и ошибки были заметнее. Я сильно вспотел, пока пытался изобразить Вильм и Старобор рядом.

– Они настолько разные? Насколько отличаются размерами? – удивленно спросил Доктор, разглядывая мой кривоватый рисунок.

– Очень, – подтвердил я. – Чтобы проехать Старобор вот здесь, в узком месте, нужно ехать несколько дней верхом.

– А Вильм?

– На Вильме нет лошадей, – с грустью сказал я. – Если бы были, ехать пришлось бы совсем недолго. Наверное, столько, сколько мы с вами сейчас разговариваем.

– Вильм действительно такой маленький? – Доктор выглядел ошарашенным. – Но ты сказал, что там два поселения...

– Так и есть. Вместе, пожалуй, человек сто. Как одна сотня в дружине Князя на Староборе.

Тут я вспомнил Медведя, и Марию... Как вы там? Держитесь еще немного, я обязательно уговорю этих вот мужчин вам помочь. Если у них имеется такой плуг – ну, то есть графокар, – то и оружие у них наверняка тоже впечатляющее.

– Но это невозможно! – Доктор Эмиль Шеви посмотрел на своего не менее удивленного коллегу. – Такая маленькая популяция не может выжить, да еще и на протяжении нескольких поколений. Это невозможно. Ты ничего не путаешь? Может, твой Вильм все же больше, просто ты не везде был?

– Везде я был. Мы даже прыгали с другом, с камня, и пытались допрыгнуть до другого края. У нас на Вильме ветер сильнее, чем на Староборе. И видно очень мало, все как в белой дымке.

– Ветер? – оба мужчины тут же оживились. – Насколько сильный? Насколько плотная дымка? Совсем ничего не видно, или просто размываются контуры? На сколько шагов можно видеть?

Они засыпали меня этими и похожими вопросами так, что мне стало даже обидно: интересовались не мной, не моим отцом, не нашими людьми – а тем, откуда и как на Вильме дует ветер. Несправедливо это, как мне кажется.

– Крис, ты уж нас извини. Очень нечасто сюда попадает кто-то с других биомов... С других миров. Прости наше любопытство. Сейчас мне нужно уйти – проверить кое-что, заглянуть в архивы... Что от них осталось. Завтра мы непременно продолжим беседовать, хорошо? А сегодня – поешь и поспи. И да, я помню про Орвина, все тебе завтра скажу. Иди, тебя проводит доктор Ави.

– Доктор Ави? У вас одинаковые имена?

– Что? Нет, нет! Доктор – это не имя, а нечто вроде профессии... Меня зовут Эмиль Шеви, но ты зови меня просто Эмиль. Или доктор Эмиль, если тебе удобнее. А это – доктор Ави.

– Спасибо. Я запомню. И еще, я хотел спросить. Вы порой говорите странно, между собой. Это какие-то секретные слова? Я их совсем не понимаю.

– Нет, это не секретные слова. Просто существует несколько языков. В каждом из них – свои слова. Язык, на котором мы с тобой сейчас говорим, у нас называется просто «старый». Это древний язык, на нём сейчас говорят немногие. Мы с коллегами – и почти все вокруг – говорим на линго. Это сравнительно новый и довольно простой язык.

– Есть еще и другие языки?

– Есть несколько. Но они не сильно распространены тут. На линго говорят если не все, то почти все.

– Значит, мне нужно научиться на нем говорить.

– Всему своё время, Крис. Не торопись. Вы с другом столько пережили. . . Сейчас спешить некуда. Сейчас важно – отдохнуть.

Я встал, пожал руку доктору Эмилю, который тоже поднялся, и вышел в коридор с доктором Ави. Мужчина в сером, сидевший у двери, поднялся нам навстречу. Ави сказал ему что-то, и мы втроём направились по коридору к моей комнате.

Вскоре после того, как я вернулся в свою комнату, мне принесли небольшой поднос с едой. Одна тарелка с чем-то похожим на суп, одна – с чем-то вроде каши, и очень странная кружка с водой, вытянутая вверх и заканчивающаяся узким горлышком. Пить из нее было жутко неудобно, и я изрядно облился в процессе. Нет, на Староборе с едой получше, определенно. Сама еда была не особенно вкусной, но я наелся так, будто съел три порции в таверне у Крапивы. После такой еды глаза закрылись сами собой, и я рухнул на заманчиво мягкую кровать.

Глава 2

Утро началось неожиданно активно – мне даже не дали выспаться. Я проснулся от того, что в комнату вошёл незнакомец в той же странной серой одежде, сшитой как единое целое, и принёс завтрак. Завтрак разнообразием не отличался: с утра не принесли никакого супа, но зато присутствовала всё та же каша и вода в неудобной вытянутой кружке.

Не успел я позавтракать, как за мной пришел доктор Ави, и повел меня в то самое помещение, где мы беседовали вчера. Там меня, к моему ужасу, уложили на высокую кровать с пугающими механизмами над ней. Доктор Ави попытался мне объяснить, что механизмов бояться не нужно, они просто проверят мое тело. По словам доктора в что больно при этом мне не будет. Я не особенно ему доверял, но решил: если хочу расположить этих людей к себе, придётся подыграть их странностям. Стиснув зубы, я лег на кровать, ожидая худшего. Однако ничего страшного не случилось. Механизмы быстро и ловко двигались надо мной – то касались кожи ледяными поверхностями, то надавливали где-то, а иногда будто кусали короткими, не слишком болезненными уколами. Мне стало даже интересно наблюдать за невероятной точностью и аккуратностью действий этих невиданных “ветвей”.

К счастью, это странное обследование длилось недолго, и мне наконец позволили надеть – помимо штанов – нечто вроде лёгкой рубашки. Она нигде не застёгивалась, а просто натягивалась через голову. Доктору Ави пришлось мне помочь разобраться с этой странной одеждой. А сразу после этого мне сказали, что мы идём к Орвину – и это окончательно подняло мне настроение.

Комната Орвина оказалась точь-в-точь такой же, как моя – и обстановка тоже была почти идентичной. Когда я вошёл, то увидел своего друга под кроватью. Точнее, под ней торчали его голова и верхняя часть туловища – Орвин стоял на коленях и что-то явно искал.

– Хорошо, что ты в штанах. Вида твоего голого зада я бы не пережил! – трагическим тоном сказал я.

Эффект превзошел все ожидания: Орвин попытался вскочить, треснулся головой о кровать, приглушенно забормотал и завопил, выбираясь из такой непростой ситуации. Встав, наконец, на ноги, он немедленно кинулся ко мне, и мы обнялись, хлопая друг друга по спине, как полоумные. После одного из моих хлопков Орвин вдруг скривился и отпрянул назад.

– Извини! Я все забываю, что у тебя рана, – спохватился я.

– Ну не у всех же раны на глазах заживают, – проворчал Орвин

– У меня нет ран на глазах.

– А у меня, наверное, уже есть. Я тут столько всего видел! Понимаешь, это же невероятно! Кровать, эти их штуки для лечения! А ты видел их фонари? Крохотные, как рукоятка ножа. А светят так, как несколько факелов не светят. Тут все настолько непонятно и здорово! Ну, кроме еды – с едой у них вообще все плохо. И кружки странные. Да что ты молчишь, ты сам как?

– Молчу потому, что ты не даешь мне вставить ни слова, – я терпеливо дождался паузы в потоке слов. Орвин остался Орвиным, слава Кругу.

– С другой стороны, мне просто необходимо выговориться – так что молчи. Я не знаю, сколько я здесь времени провел, но поговорить было совершенно не с кем! Я их не понимаю! Они бормочут какую-то ерунду. А человеческих слов не знают. Потому, просто дай мне поговорить, а то я взорвусь. Смотри...

Не знаю, сколько мы проболтали, но уж точно дольше, чем вчера с докторами. Правда, говорил больше Орвин, рассказав мне все, что с ним приключилось. Насколько я понял, у нас с ним были весьма похожие истории – только он с доктором Эмилом не разговаривал. Наверное, это и к лучшему – Орвин бы этого доброго доктора до смерти заболтал. Я вкратце рассказал

другу, что произошло у меня, и привёл его в неописуемый восторг – прежде всего тем фактом, что здесь кто-то говорит на человеческом языке.

– Ты уже придумал, как мы вернёмся на Старобор? – вдруг спросил Орвин, прерывая свой восторженный поток слов о невиданной технике.

– Пока нет. Когда бы?

– Когда? Да ты всё это время спал и высыпался. И что еще делал, в стенку смотрел? Нам скорее нужно, пока Князь еще держится. И Город.

– Городу ничего не угрожает, ты же знаешь. – поморщился я. Чувство стыда кольнуло меня.

– Уверен? Даже после нашего побега? Неизвестный такой, мог и поменять свои планы. Да и к тому же, Медведь к моменту нашего бегства был совсем не в лучшем положении. Или ты забыл?

Я хотел было вспыхнуть и напомнить разошедшемуся Орвину, что с Медведем меня связывает куда больше, чем его. Хотел, но не стал. Потому что Орвин был прав. И если моего отца на Вильме уже не спасти, а у остальных там серьезных проблем на момент моего внезапного бегства не намечалось, то на Староборе точно остались те, кто в нас нуждался. В нас, и в той помощи, которую мы можем привести. Должны привести.

– Ты прав. Нам нужно как можно скорее решить этот вопрос. Думаю, что эти люди смогут нам помочь.

– Шутишь? Конечно смогут! Вот только, захотят ли...

– Значит, нам нужно сделать так, чтобы захотели, – улыбнулся я.

В этот момент дверь открылась, и в комнату Орвина заглянул доктор Эмиль. Я обрадовался ему – пока что он был единственным человеком здесь, с которым мы могли говорить. И, как я надеялся, он был тем человеком, который здесь принимает решения. Он ведь упомянул что-то про то, что он тут главный, если я тогда правильно его понял.

– Здравствуйте, господа. Ну, как у вас дела? Вижу, что хорошо. – Он подошел к Орвину, и повернул его к себе, осмотрев плечо. – Тут тоже все нормально заживает. Была небольшая инфекция, но сейчас все чисто.

– Спасибо, – ответил за нас обоих Орвин. – Со мной всё будет в порядке. Но у нас к вам есть дело.

– Дело? – удивился доктор.

– Да, дело. Важное, и очень срочное. И хватит меня пихать! – добавил мой друг, уже обращаясь ко мне. – Мы очень просим вас помочь нашим друзьям на Староборе. Вы же можете отправить нас туда? И немного помочь, когда мы туда прибудем?

– Вот даже так? – удивлённо приподнял брови доктор. – На Старобор?.. К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос или выполнить вашу просьбу.

– Почему? Крис сказал, что вы тут главный, – упрямо не отставал Орвин. – А если это не так, то приведите нас к тому, кто может помочь. Пожалуйста.

Вежливость Орвина была, как мне показалось, немного запоздалой – и не особо искренней. Мне было неловко, но в глубине души я был рад: кто-то без меня наконец-то перевёл разговор в нужное русло. А то опять бы целый день говорили про ветер на Вильме.

– Смотрите, я буду с вами предельно откровенным, как и вы со мной. Во-первых, я «главный» только в медицинском пункте – здесь, во втором квадрате. То есть, я отвечаю за врачей и исследователей. Глобальные решения по таким вопросам, как ваш, я не принимаю. Во-вторых, вы пока на карантине. Нет, сейчас я вам не буду объяснять подробно, что такое "карантин", да это и не столь важно. Просто примите как факт, что вам придется некоторое время побыть тут, у нас, под наблюдением.

– Какое время? – это я опередил рвущегося в бой Орвина. – Вы же уже делали ваше исследование, я сегодня лежал на той кровати.

– Про время я вам точно сказать не могу. Будет от вас зависеть, в том числе. Мы действительно уже начали, но это была только одна из нескольких проверок. Остальные ещё впереди. Кстати, Крис, могу сказать – со здоровьем у вас всё в порядке. Хотя следы нескольких ранений мы заметили, но они уже давно зажили.

Он сказал это так спокойно, что я подумал: он наверняка бы заметил, если бы я был *не человеком*. И вряд ли стал бы так спокойно со мной говорить. Мне полегчало. Всегда становится легче, когда доктор говорит, что у тебя всё в порядке.

– И в-третьих, – продолжил доктор Эмиль, глядя на нас поочередно, – давайте-ка я вам вкратце расскажу, что мы знаем о других биомах. Понять всё вы, скорее всего, не сможете, поэтому я расскажу только в общих чертах. Это поможет вам лучше осознать, в какой вы сейчас ситуации.

Кто же откажется от такого предложения? Даже Орвин поумерил пыл, и уселся на кровать. Я остался стоять рядом, готовый слушать.

Разумеется, мы не смогли понять всего, о чем рассказывал нам доктор. Порой, видя наше затруднение, он останавливался, и начинал объяснять по-другому, проще. Он хорошо рассказывал, на самом деле. И по его рассказу картинка у меня в голове сложилась примерно такая.

Мест вроде Вильма или Старобора на самом деле немало, и они все имеют совершенно разные размеры. Называются такие миры "биомами". Например, наш Вильм является очень маленьким биомом, а Старобор – достаточно большим, хоть и не самым крупным из известных. Тот биом, на котором мы сейчас находились, назывался "Атлантис". Что касается Вильма, доктор ещё раз упомянул, что до вчерашнего дня все были уверены: на таких маленьких биомах самостоятельная жизнь невозможна. В его голосе всё ещё звучали плохо скрытые недоверие и сомнение. И я его прекрасно понимал: расскажи мне кто-нибудь такую же историю – ни за что бы не поверил.

Сложнее всего мне далось объяснение о том, что все эти биомы летают в каком-то пустом пространстве. Точнее – не в пустом, поправился доктор. Биомы летают в воздухе, который он назвал «атмосферой». И воздух этот сильно ограничивает видимость, о чем я и без доктора прекрасно знал. Сложность в том, что, по словам доктора, этот воздух удерживается вокруг какого-то невероятно огромного тела – вроде биома, но во много тысяч раз превосходящего размером любой из известных. Я не смог ни представить себе такое, ни понять толком, как это возможно. По словам доктора, ещё дальше от этого загадочного гиганта нет ничего. Даже воздуха. Я бы засмеялся, потому что такого быть не может, но по глазам доктора видел, что он сам верит в то, что говорит. Ладно, пока не будем спорить с этим безвредным человеком. Разбираться, как все обстоит на самом деле, нужно будет потом.

Самым страшным ударом для нас с Орвиным стала другая информация. По словам доброго доктора Эмиля выходило, что люди давным давно прибыли сюда, на эти биомы. Прибыли они откуда-то очень издалека, каким-то образом пролетев через то самое "ничто", которое окружает и заполняет собой всё вокруг. Я никак не мог представить себе, как "ничто" может собой что-то заполнить, но перебивать и поправлять доктора и в этот раз не стал. Люди прибыли так давно, что уже толком никто и не помнит, когда все это случилось. Потом что-то пошло не так (тут доктор явно не желал вдаваться в детали), и разные группы людей стали терять связь друг с другом. Более того, выяснилось: биомы постоянно смещаются со своих мест относительно друг друга, а вся невероятно сложная техника людей, сумевших пересечь «ничто», почему-то совершенно не работает здесь. Из-за всей этой неразберихи биомы то обнаруживались, то снова терялись, исчезая в хорошо знакомой мне белой пелене вечного ветра. И поэтому так получилось, что информация о различных биомах у людей есть, а вот точного их места расположения люди не знают. И попасть могут лишь на те из них, которые пока что находятся рядом. И то, каждое такое путешествие само по себе опасно, так как никто не берется предсказать, когда именно близлежащий биом начнет отдаляться от Атлантиса.

– Так значит, Старобор находится сейчас рядом с Атлантисом? – спросил я, не собираясь верить всему на слово, но очень стараясь понять то, что только что услышал.

– Теоретически – да. А на практике никто не знает, как долго вы падали в атмосфере. И к тому же, никто не знает, в какой стороне относительно нас расположен этот ваш Старобор. Впрочем, как я уже говорил, полеты между биомами – не моя зона ответственности.

– А чья? – это уже Орвин, понятное дело.

– За летный состав и за полеты как таковые у нас отвечает полковник Крэтчет. Он глава местного отдела безопасности. Но вообще, все глобальные решения на Атлантисе принимает Совет.

– Совет? У нас на Вильме тоже был Совет, и тоже все решения принимал он. Я, правда, не очень понимаю, какие именно решения он принимал, но все же...

– Крис, ты не устаешь меня удивлять своим Вильмом, – покачал головой доктор. – Мы об этом ещё обязательно поговорим. То, что ты рассказываешь, просто невероятно.

– А когда мы сможем увидеть этого самого полковника Крэтчета?

– Это не так просто. У него огромное количество дел. Впрочем, я полагаю, что ему самому захочется с вами увидеться и поговорить. Я постараюсь отправить ему вашу просьбу о встрече. Хотя и не считаю эту идею хорошей и своевременной.

– Об очень скорой встрече. – Орвин уверенно кивнул. – Пожалуйста!

– Понимаю, но ничего обещать не могу. Как я и говорил, прежде всего...

И тут резкий, пронизывающий всё вой заставил нас непроизвольно зажать уши и пригнуться. Доктор же наоборот, стал встревоженно оглядываться, достав из кармана такую же таинственную коробочку, с которой вчера разговаривал его коллега, доктор Ави.

Не успел доктор сказать и нескольких слов в коробочку, как дверь в комнату распахнулась. На пороге стоял очередной военный в странной форме – по-видимому, принятой здесь, на Атлантисе. Он нервно бросил доктору несколько слов, явно приглашая нас срочно следовать за ним. После короткого диалога доктор обратился к нам:

– Судя по всему, нам лучше уйти отсюда. Это сигнал тревоги. Нам нужно на некоторое время укрыться в более защищенном помещении.

– На вас напали? – почти хором спросили мы. – Да кто же может на вас напасть?

– Я не знаю, что случилось, – пожал плечами доктор. – Может быть, это просто учебная тревога... Пойдемте, тут совсем недалеко.

Мы вышли в коридор, в котором оказалось достаточно многолюдно. Попадались и люди в белых накидках, и, очевидно, солдаты в форме. Некоторые, впрочем, были одеты, как мы – в легкие штаны и легкие рубашки. Кому-то даже помогали идти. Все двигались в одном направлении, и совсем скоро мы оказались на лестнице, по которой спускались довольно долго. В какой-то момент я одновременно и услышал и почувствовал ритмичные удары, словно невидимый великан колотил кулаками по стене медицинского пункта. Причём – часто и с равными интервалами.

– Что это? – Орвин опередил меня вопросом

– Защитные системы сработали, – доктор выглядел встревоженным. – Получается, что это не учебная тревога. Ничего, идем дальше.

Мне было ужасно любопытно, что такое эти "защитные системы", и как они нас такими ударами защищают, но сейчас явно было не лучшее время для расспросов. Мы продолжили спуск, и уже при выходе в совсем уж узкий и слабо освещенный коридор нас изрядно потрянуло. Мы с Орвином удержались на ногах, уцепившись за железные конструкции, идущие вдоль лестницы, а вот наш доктор упал, и сразу несколько человек бросились ему помогать встать.

В конце концов, поток спустившихся людей влился в довольно широкое и очень длинное помещение, с рядом скамеек вдоль стен. Потолок тут был значительно ниже, чем в комнатах над нами – я без труда доставал до него рукой. Люди стали рассаживаться по скамьям, негромко

переговариваясь. Несколько солдат, спустившихся с нами, собрались у входа в это помещение, слушая своего десятника. Судя по всему, в этом помещении нам и предстоит переждать эту самую тревогу. Тут даже ритмичные удары "защитных систем" звучали как-то приглушенно. Доктор Эмиль Шеви, обойдя несколько групп людей, и о чем-то быстро поговорив с солдатами, вернулся к нам.

– Ну вот, пока побудем тут. Тут безопасно.

– Так вас все же атакуют? Кто? Вы тоже воюете?

– Нет, мы не воюем. Все... несколько сложнее, – грустно улыбнулся доктор. – Так, в двух словах даже и не расскажешь.

– Но нам все равно тут сидеть. У нас же есть время. Расскажите нам, мы ничего не понимаем. Что это за "защитные системы"? Кто вам угрожает?

– У вас время есть. А мне, увы, нужно позаботиться о других пациентах медпункта. Тут есть раненые, и они нуждаются в уходе и помощи. Так что извините, я вас сейчас покину.

– А что с нами будет? Как мы узнаем, когда можно выходить отсюда? Тут кто-то еще умеет говорить на "старом"?

– Кто-то, наверное, умеет. Не думаю, что многие. Но это не важно. Вам тут ничего не угрожает. А когда тревога закончится, то я за вами пришлю кого-то. Но вы правы – с языком будут проблемы.

Доктор выпрямился, глядя куда-то в стену, и покусывая губу в задумчивости. Мы ему не мешали.

– Вот как мы сделаем. Здесь, при нашем пункте, есть школа. Небольшая – для тех детей, которые пока не могут ходить в обычную школу. Но всё же.

– Школа? Что такое школа?

– Ну, вы же мне рассказывали, что у вас на Вильме кто-то учил детей, рассказывал им всякое...

– Я не с Вильма, – тут же откrestился от этой информации Орвин, – это явно Крис рассказывал.

– Не важно. Вот и в школе учат детей всему: говорить, писать, считать. Рисовать. Много чему. Я полагаю, что вы вполне можете в эту школу ходить. Там как раз обучают языку, на котором здесь все говорят. Многому вы, конечно, не научитесь, но все же лучше, чем просто сидеть в своих комнатах.

– А нам разрешат солдаты ходить в эту вашу "школу"? Двери в наши комнаты обычно закрыты.

– Я попрошу персонал, чтобы вас отводили на занятия, и приводили обратно. Что касается дверей, то их можно не закрывать. Если вы оба дадите мне слово, что не станете убегать и мешать другим работать.

Слово доктору мы дали сразу, нисколько не раздумывая. Пока что от всех людей здесь мы видели только добро. Кто же станет убегать от добра? И к тому же, это нам нужна их помощь, а не наоборот.

– Полковнику это может не совсем понравиться, – улыбнулся чему-то доктор. – но некоторые решения здесь принимаю все же действительно я.

Глава 3

В карантине мы пробыли долго. Слишком долго, по нашему мнению. Однако, поскольку доктор Эмиль Шеви сдержал свое слово – как насчет школы, так и насчет запертых дверей – проведенное нами в карантине время было по крайней мере для меня наполнено знаниями и почти что волшебством. Странный мир Атлантика открывал нам свои тайны, а мы только и успевали им удивляться.

Язык, который доктор Шеви назвал "линго", оказался довольно простым. Точнее, таким он оказался для меня, а вот Орвин с этим языком решительно не хотел дружить. Я практически сразу запоминал слова и простой способ построения фраз, благо две пожилые учительницы, поначалу относившиеся к нам с некоторой опаской, вскоре оттаяли, и с удовольствием уделяли нам повышенное внимание. Орвин бурчал, что не для того он бежал со Старобора, чтобы снова попасть на учебу, но делал это больше для поддержания своей репутации "я недоволен любой задержкой".

В школе, куда кроме нас ходило всего шесть маленьких детей, обучали еще писать и рисовать графокарами, и пользоваться приборами, которые тут называли "терминалами". Терминалы меня завлекли пожалуй даже больше, чем линго. Понадобилось некоторое время, чтобы мы с Орвиным поняли, что такое "механизм", а уж потом – что такое "машина". Но все равно, сколько я не смотрел на терминал изнутри (а такой тоже был в школе), я не мог толком понять то, как он справляется с такими сложными задачами, которые ставят ему люди. Одно мы с Орвиным поняли точно – терминалы были на Атлантике в большом почете, и находились буквально везде.

Люди, с которыми мы пересекались по пути на учебу и обратно, сперва смотрели на нас странно, с некоторым любопытством, но вскоре привыкли, и мы дружелюбно кивали друг другу, проходя мимо. Дети, с которыми мы учились, были от нас в восторге, причем отчего-то больше от Орвина, чем от меня. Он с радостью играл с ними, и даже пугал их, вызывая у детей крики придуманного ужаса, смешанного с настоящим восторгом. В столовой, где мы стали питаться с тех пор, как наши двери перестали запираются, нас уже узнавали, и накладывали такую же невкусную еду, как и всем.

Мы сдержали обещание, данное доктору Шеви, и не покидали территорию медицинского пункта. Территория, надо сказать, была небольшой, и примерно половина ее находилась ниже уровня поверхности. В первый же день, когда мы получили возможность подойти к окну, из которого должен был открываться вид на Атлантика, мы жестоко разочаровались – за окном почти ничего не было видно. Снаружи царствовала белая пелена, не позволявшая разглядеть что-либо дальше ста шагов. На вопрос Орвина я подтвердил, что на Вильме с видимостью дела обстоят примерно так же, только там еще и смотреть не на что. Здесь же мы сумели лишь рассмотреть прямые вертикальные стены медцентра, в которых рядами шли небольшие ровные окна, да каменистую неровную поверхность у стен, поросшую совсем мелкой и чахлой травой.

Разочаровавшись в картинке за окном, мы быстро изучили всю доступную нам территорию и поняли, что планировка центра довольно проста и понятна: на самом нижнем этаже, глубоко под поверхностью, находилось убежище, куда мы спускались на время тревоги, и складские помещения, где хранились припасы. На следующем этаже жили солдаты и персонал медпункта. Ещё один этаж занимали пациенты и те, кто проходил восстановление. Два этажа, которые располагались уже над поверхностью, были заполнены медицинским и исследовательским оборудованием, а также специальными помещениями, в большинстве из которых нам заходить запрещалось. Тут же находилась столовая, а где-то совсем рядом со зданием медпункта – специальная площадка для летательных аппаратов. С их помощью в медпункт доставляли нуждавшихся в медицинском уходе людей и увозили тех, кто уже выздоровел.

К сожалению, учительницы в школе наотрез отказывались отвечать на те вопросы, которые нас действительно интересовали: кто нападал на Атлантис? Что такое "Защитные системы"? Где точно находится и кем используется та самая летательная площадка и летательные аппараты, на которых специальные люди Атлантиса, называемые "пилотами", могут летать по биому, и даже вокруг биома, и всегда возвращаться назад? Последний вопрос особенно сжигал нас изнутри, с тех пор как мы узнали о существовании таких аппаратов и о том, что наш "шкаф", на котором мы с Орвиным сбежали со Старобора, как раз один из таких аппаратов и подобрал в атмосфере. Мы сразу поняли: такой аппарат точно должен быть способен доставить нас на Старобор. Однако все эти важнейшие вопросы – даже заданные мною на линго – оставались без ответа. Так продолжалось до тех пор, пока однажды в небольшую столовую, где мы с Орвиным обедали в компании нескольких работников медпункта, не вошли двое солдат.

Мы как раз заканчивали ковыряться в изрядно надоевшей нам еде, и потому охотно последовали за солдатами, без лишних слов пригласившими нас пройти с ними. Я уж обрадовался, что нас сейчас прокатят на летательном аппарате, но нет – нас привели в большое помещение, где обычно собирались сотрудники медпункта для обсуждения рабочих дел. Нас усадили на стулья и велели ждать. Ждать пришлось недолго – через пару минут в комнату вошёл человек среднего роста в форменном сером комбинезоне. У него были короткие волосы, частично седые, частично все еще черные, и пронзительные серые глаза. Мы поднялись, и он пожал нам руки – крепко и уверенно. Затем он сел за стол и жестом пригласил нас также занять свои места. По незнакомцу было видно – этот человек привык командовать. И я сразу понял: похоже, нам наконец улыбнулась удача.

– Добрый день. Меня зовут полковник Крэтчет. – мужчина подтвердил мою догадку, с очевидным трудом выговаривая фразы на старом языке. – Я здесь, во втором секторе, отвечаю за безопасность. Могу я узнать ваши имена?

– Меня зовут Крис, а это мой друг Орвин. Мы можем попробовать говорить на линго, – ответил я за нас обоих. – Других имен у нас нет. Там, откуда мы, принято носить только одно имя.

Я искренне надеялся, что линго в моем исполнении звучит понятно и уверенно. Учительницы в школе были мною довольны и постоянно восхищались той скоростью, с которой я учил все новое. Сейчас я изо всех сил старался понравиться полковнику, потому что именно от него, по моему мнению, зависело все.

– Ого, вы говорите на линго? – полковник говорил быстро, но я его хорошо понимал. – Где научились?

– Тут. Нам разрешили ходить в школу. Доктор Шеви дал нам разрешение.

– Вы здесь как долго находитесь? Восемь дней, если я не ошибаюсь? И за восемь дней освоили линго? Или на вашем биоме говорят на линго?

– На Вильме, откуда я родом, никто не говорит на линго, – я покачал головой. – На Староборе тоже, насколько я знаю.

– Значит, выучили язык здесь, за восемь дней? – еще раз спросил полковник, не сводя с меня пристального взгляда.

– Да, выучил здесь, – пожал плечами я. – Не сложный язык, как мне кажется.

– Хорошо. А ваш друг, он тоже выучил?

– У него получается немного хуже. Но он справится, я уверен.

Полковник ненадолго замолчал, постукивая костяшкой указательного пальца по тихо отрывающейся поверхности стола.

– Хорошо, понятно. Скажите, Крис, вы рассказывали, что участвовали в боевых действиях на Староборе. В войне. Это так?

– Так, – осторожно ответил я, не понимая, куда клонит полковник.

– Как это у вас получилось? Вы учились сражаться на Вильме?

– Нет, на Вильме ничего такого нет. Там вообще не бывает войн. На Вильме всего два поселения, и они...

– Крис, вы мне расскажете о Вильме потом, – тихо, но твердо прервал меня полковник. – Так где вы научились сражаться, если не на Вильме?

– Да я и не научился, если честно, – я был немного сбит с толку странным интересом полковника, и не очень представлял, как мне лучше отвечать. – Просто старался быть быстрее тех, кто на меня нападал. Наверное, мне просто повезло.

– Хм.

Полковник Крэтчет хмыкнул, и снова замолчал. Я никак не понимал, что он от нас вообще хочет, потому решил перехватить инициативу:

– Полковник Крэтчет...

– Сэр.

– Что? – растерялся я.

– Сэр. К военному, который выше тебя по званию, или вообще к начальству здесь принято обращаться "Сэр". Все остальные виды обращения – неофициальные.

– Хорошо, сэр. Сэр, я хотел бы попросить вас о помощи.

– И о какой же?

– Видите ли, на Староборе, откуда мы сбежали с моим другом, сейчас идет война. Там остались наши друзья. Люди, которые нам очень дороги. Если бы вы могли нам помочь вернуться туда, и просто...

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату буквально влетел доктор Шеви. Выглядел он встревоженным и разъяренным одновременно. Прервав меня на полуслове, он с ходу набросился на полковника:

– Полковник, что тут происходит?

– Я как раз объяснял молодым людям, что ко мне принято обращаться "сэр".

– Это вы своим солдатам можете объяснять. И у себя на службе. А тут вы у меня в гостях. И разговариваете с моими пациентами. Без моего на то разрешения.

Доктор Шеви говорил короткими фразами, явно стараясь сдержаться, но у него это не очень-то и получалось – и каждая следующая фраза звучала чуть громче предыдущей.

– Пациентами? – приподнял бровь полковник, внешне оставаясь совершенно невозмутимым. – Вы же прислали рапорт, что с Крисом все в порядке, да и у Орвина значительных повреждений нет. Получается, они здоровы?

– В рапорте было не только это! С ними еще нужно разбираться. Мне нужны дополнительные исследования. Мне нужно больше времени. А вы врываетесь сюда, и устраиваете черт знает что.

– Устраиваю что? Доктор, я прошу вас держать себя в руках. Я сожалею, что не поставил вас в известность о дате моего приезда. Видите ли, я очень занят тем, что защищаю вас и ваших сотрудников. И мне не всегда доступна такая роскошь, как своевременное информирование. И потом, я просто беседую с ребятами, ничего больше.

– Все равно. Я хотел бы вас попросить оставить моих пациентов в покое. Они под надзором врачей. Под моим надзором, если угодно.

– Больше нет. Я забираю их, обоих.

Полковник встал, и потянулся, распрямляя спину.

– Что?

Доктор Шеви выглядел таким же ошарашенным, как и я. Полковник и доктор разговаривали вроде бы о нас с Орвиным, но наше присутствие в комнате, очевидно, никого не интересовало.

– Я забираю Криса и Орвина к себе, в отдел, – терпеливо повторил полковник. – Они больше не ваши пациенты. Если честно, я не собирался забирать их сейчас, но вы должны понимать, что устраивание таких сцен не может не иметь последствий.

– Вы не можете забрать их без санкции Совета.

– Конечно, могу. И заберу. Но, чтобы соблюсти все формальности, я предоставлю вам санкцию Совета в течение нескольких следующих дней.

– Вы не можете, – доктор Шеви как будто впал в ступор. – Они должны остаться тут. Против их воли...

– Буквально только что Крис просил меня о помощи. Верно, Крис?

Оба мужчины посмотрели на меня. Полковник – с вызовом в прищуренных глазах. Доктор Шеви – с непониманием и упреком. Некрасивая сложилась ситуация. Я не хотел обидеть никого из них, но у нас с Орвином действительно есть цель.

– Да, я просил полковника помочь нам вернуться на Старобор.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул полковник. – Пойдемте и посмотрим вместе, можем ли мы вам с этой просьбой как-то помочь.

Он шагнул к двери, которая оставалась открытой после появления доктора, и остановился, ожидая нас.

– Большое вам спасибо, – обратился я к доктору Шеви. – Вы нам очень помогли. Но нам нужно вернуться на Старобор, а вы сами говорили, что с этим вы нам помочь не можете.

– С этим вам никто помочь не сможет, – произнёс доктор, медленно приходя в себя и внутренне смиряясь с происходящим. – Впрочем... Удачи вам. Я постараюсь сделать все, чтобы мы с вами еще встретились.

Мы с Орвиным по очереди пожали руку доктору и вышли в коридор. Полковник сразу пошел вперед, и нам ничего другого не оставалось, как следовать за ним. Полковник молчал, мы с Орвиным тоже не стремились к разговору, только переглядывались между собой. Расставание с уже ставшим привычным медцентром вышло слишком внезапным. Но главное – мы наконец-то приблизились к возвращению на Старобор. А к доктору мы еще вернемся.

Ведомые полковником, мы подошли к двери, которая вела наружу – за неё мы с Орвином ещё ни разу не выходили. У стены на стульях сидели двое солдат, которые вскочили и вытянулись при виде своего командира. Один из них приложил небольшую карточку к панели электронного замка. Замок едва заметно мигнул, и дверь с лёгким шорохом отъехала в сторону. Мы вышли за порог и оказались в достаточно большом помещении, посреди которого стоял длинный металлический стол и несколько стульев, а по стенам тянулись одинаковые шкафчики с железными дверцами. На столе лежали три шлема, которые, насколько я мог судить, должны были закрывать не только голову, но и лицо того, кто их носит.

– Сэр, как поступим с гражданскими? – спросил один из солдат, прикинув количество шлемов на столе и число людей в помещении.

– Передайте им свои. Используйте балаклавы по пути к вихру.

Военные безропотно подчинились: не только отдали нам свои шлемы, но и помогли их надеть – что оказалось вовсе не такой простой задачей. Мне показалось, что в процессе мне оторвут ухо, но обошлось. Когда солдат опустил специальный прозрачный щиток мне на лицо, я с удовольствием и любопытством осмотрелся.

Шлем оказался неожиданно мягким и теплым внутри. Щёки непривычно сдавило, а звуки вокруг утратили чёткость и стали глуше. Щиток слегка затемнял обзор, но я быстро понял, что в этой светлой дымке, окутывающей Атлантик, это даже к лучшему. Вертеть головой шлем не мешал, да и весил гораздо меньше тех шлемов дружинников, которые мне доводилось примерять на Староборе. Пока мы с Орвиным азартно вертели головами, испытывая в прямом смысле слова свалившиеся нам на голову новинки, в шлеме что-то негромко щёлкнуло, и я услышал слегка искажённый голос полковника:

– До вирона недалеко, но тут в воздухе хватает пыли и даже мелкого мусора. Поэтому шлемы не снимать и щитки не поднимать. Кивните, если поняли.

Мы с Орвином энергично закивали головами. Как будто мы знали, как можно поднять щиток! Я сообразил, что в шлем встроено что-то вроде коробочки, с помощью которой работники медпункта могли общаться друг с другом на расстоянии – я уже знал, что коробочка называется "коммуникатор", или сокращенно "ком". Интересно, работает ли коммуникатор в шлеме в обе стороны? Впрочем, даже недолгий опыт общения с полковником подсказал мне, что испытывать это сейчас необязательно. Опять, как на Староборе, мне приходилось учиться сложному – молчать. А так хотелось узнать, что такое вирон...

"Вироном" тут называли летающий аппарат. До него было действительно недалеко, не более ста шагов. Но эти сто шагов напомнили мне о Вильме сразу, как только мы вышли из здания. Боковой ветер ударил справа, и мне понадобилось несколько мгновений, чтобы восстановить равновесие: оказывается, мое тело уже отвыкло от такого. Орвин и вовсе пошатнулся, сделал пару неуверенных шагов в сторону – и, наверное, упал бы, если бы его не подхватил под руку один из солдат. Полковник, грамотно наклонившись против ветра, пошел вперед быстрым коротким шагом, и мы последовали за ним. Я с каждым движением вспоминал, как идти "в ногу" с ветром, а Орвину компенсировал недостаток таких воспоминаний тот самый солдат, одной рукой буквально тащивший его за собой. Второй рукой солдат придерживал на лице маску, натянутую на голову и закрывающую его лицо и шею.

Когда мы подошли ближе, я наконец смог рассмотреть вирон получше. Аппарат внушал уважение. Массивный матовый корпус темно-серого цвета был разбавлен небрежными светлыми разводами. В высоту вирон был выше двух моих ростов, и напоминал скорее странный вытянутый дом, или тоннель, к которому с боков прикрепили стальные обтекаемые бочки. Полковник, добравшись до корпуса, где-то что-то нажал, и часть обшивки тут же отъехала в сторону, образовав невысокую дверь. Один солдат шагнул в нее следом за полковником, второй зашел только после того, как вовнутрь неуклюже забрались мы с Орвином.

Внутри было темновато, но стало легче, когда с нас сняли шлемы. Я потер пострадавшее ухо.

– Садитесь сюда, – полковник указал на два не очень удобных с виду сиденья, прикрепленные к противоположному от двери борту вирона. – Нам недалеко, но советую пристегнуться. Порой тут потрясывает.

Один солдат пошел в переднюю часть аппарата, и вскоре я сперва услышал, а затем и почувствовал уверенный негромкий гул. Аппарат пробуждался, и готовился к полету. Второй солдат ловко пристегнул нас к сидениям специальными ремнями, и уселся сам, также пристегнувшись. Полковник уже сидел напротив нас, с интересом на нас поглядывая.

– Это вирон, или малый транспортник. Мы его используем в основном для перевозки грузов, или – редко – для перевозки людей. Видели что-то подобное уже?

Я только отрицательно мотнул головой, разглядывая вирон. После короткого объяснения полковника стало понятно, почему этот аппарат изнутри казался каким-то недоделанным. Сидения неудобные, окошек всего несколько, да и те не рядом с нами. Зато очень много места внутри. Я разглядел массивные механизмы в задней части вирона, и понял, что они отвечают за открытие большого люка. В такой люк спокойно поместились бы сразу несколько "шкафов" наподобие того, на котором мы с Орвином сбежали из Старобора.

В этот момент аппарат несильно дрогнул, и вдруг мы стали подниматься, да так резко, что меня вдавило в сидение и закружилась голова. Почти сразу же вирон наклонился на бок, и я тут же понял, зачем каждому сиденью полагались ремни – без них мы бы уже точно валялись то ли на полу, то ли на стене. Борясь с головокружением, я посмотрел на Орвина, и очень удивился. Я и не представлял, что лицо человека может быть таким зеленым. Полковник тоже заметил состояние моего друга, и крикнул куда-то вперед:

– Полегче! Тут гражданские. Если что – уберёшь всё собственным полотенцем.

Слова полковника повлияли и на пилота, и на Орвина. Первый продолжал полет аккуратно, а второй мужественно держал все в себе. Лететь на самом деле было недалеко, и вскоре вирон сел, мягко и гулко ткнувшись в поверхность. Гул стал стихать, и нас отстегнули от кресел.

Глава 4

– И все же я не понимаю – зачем они тебе? Что ты с ними собираешься делать?

– Вивьен, я и сам пока не уверен, – развел руками полковник, удобно располагаясь на стуле у себя в кабинете, и не сводя глаз со своей собеседницы. – Я вообще не собирался их сюда привозить, но этот наш умник, доктор Шеви... Когда-нибудь он меня выведет из себя окончательно и бесповоротно.

– Когда-нибудь? Мне кажется, с каждым вашим разговором это у него получается все лучше. У тебя есть вода?

– Да, конечно. За тобой, на столике. Там же где-то и чистые стаканы должны быть.

Пока она наливала себе воду из прохладного термокувшина, полковник с удовольствием рассматривал свою собеседницу. В свои почти пятьдесят лет Вивьен выглядела отлично, и давала фору многим более молодым женищинам, которых знал полковник. Высокая, крепкая. Не худышка, но и не полная. Красивые и даже соблазнительные формы тела подчеркивались строгим серым костюмом, великолепно на ней сидевшем. Скорее всего, подчеркивались не случайно. У нее почти ничего не бывает случайно, не та должность. Странно, полковник поймал себя на мысли, что никогда даже в мыслях не рассматривал Вивьен именно как женищину — несмотря на ее очевидную красоту и привлекательность. Наверное потому, что слишком хорошо знал ее.

– Тебе нужно сказать уборщице, чтобы убиралась у тебя лучше, – Вивьен была недовольна. Собственно, ничего необычного.

– Я не пускаю уборщиц в свой кабинет, – полковник старался быть небрежно-расслабленным, но сомневался, что ему удастся ввести в заблуждение эту женищину. – Предпочитаю делать уборку сам.

– Тогда тебе стоит это делать лучше. Раз уж не разрешаешь другим делать их работу.

– Ладно, ладно. Мы здесь ведь не за тем, чтобы говорить об уборке.

– А, да? А зачем, кстати, мы здесь? Точнее – зачем я здесь? Мне невероятно интересно с тобой поболтать, но ты не поверишь – у меня еще и другие дела есть.

– Мне нужна санкция Совета на этих двоих. Чтобы они остались здесь, у меня. Без санкции доктор Шеви поднимет скандал.

– Что за ерунда? Ты терпеть не можешь чужаков на базе, и вот решил приютить двух попаданцев? Причем попаданцев с отсталого биома. Не рассказывай мне сказки. Еще раз – зачем тебе они?

Полковник встал, и прошелся по комнате, от двери до окна. Восемь шагов в одну сторону, восемь в другую. Все знали о привычке полковника вышагивать по кабинету тогда, когда он думает или нервничает. И Вивьен, конечно, тоже знала, но ее эта привычка неизменно раздражала.

– Ты можешь, пожалуйста, перестать маршировать передо мной?

– Ты права. Они просто попаданицы, и действительно – с отсталого биома, – полковник присел на край стола, около неподвижно стоящей Вивьен. – Старобор... надо же. Я навёл справки. Этот биом давно известен – прежде всего своим размером.. Потом он отдалился, и о нем тут же забыли. Там ничего нет, ничего, что может представлять для нас интерес. И никаких зафиксированных следов Соседей.

При упоминании Соседей Вивьен поморщилась. Полковник прекрасно знал, как она относится к идее ловли черной кошки в темной комнате. Особенно когда никто не знает, существует ли кошка вообще.

– Но? Все самое интересное всегда идет после "но".

– Но в них что-то есть. Как минимум в одном из них, Крисе. Он провел всего чуть больше недели в медпункте, и за это время выучил линго.

– Почему ты думаешь, что он его не знал раньше?

– Он утверждает, что не знал. Не вижу смысла ему врать. Медперсонал тоже склонен ему в этом верить. И потом, второй парень... как его там звали... язык так и не выучил. Так, пару слов.

– Хорошо, допустим. Выучил он язык. Быстро, и это необычно. Все еще не вижу интереса для тебя.

– Крис рассказывал, что участвовал в сражениях. Судя по его рассказам, у них там самые настоящие войны. Лошади, луки, мечи. Все, как в древней истории Земли.

– Мне никогда не нравилась древняя история. Но я уже, кажется, понимаю, к чему ты клонишь.

– По рассказу Криса, он и на Старобор попал сравнительно недавно, с другого биома, совсем небольшого. Докторов этот факт сильно взволновал, между прочим. Там есть какая-то неувязка с нашими научными теориями.

– Наверное, поэтому они и не хотели отдавать тебе этих пацанов. К чему ты все же клонишь?

– Так вот, получается, что драться на мечах и всему остальному он тоже научился быстро. Очень быстро. Я бы даже сказал – **слишком** быстро.

– А ты не думал, что парень просто врет? Заливает нам уши? Может, он вообще не попаданец? Может, это Навигаторы начали подключать воображение, и придумывать что-то новенькое?

Полковник не удержался и вновь зашагал по кабинету. Восемь шагов до двери, восемь – обратно. Сейчас самое сложное: убедить Вивьен в том, что есть реальный шанс. Не фантазии, не "хотелки", а реальный шанс. Если удастся её убедить – она точно будет в деле. А тогда все пути открыты. С поддержкой Совета всё пойдёт совсем иначе.

– Может быть. Но – маловероятно. Слишком уж притянутая за уши теория. Да и использовать такую ложь, как прикрытие просто глупо. К тому же, я всё равно быстро пойму, врут они или нет. Но если они не лгут...

– Если нет – то что? Они модифицированные? – Вивьен закатила глаза. – Сколько можно гоняться за призраками, Дэвид! Хватит искать себе мифическое супероружие.

– „Мифическое“ – значит несуществующее. А модифицированные были. Ты знаешь это не хуже меня. И ничего не говорит о том, что они полностью исчезли.

– Ты видел этих детей? Я видела их отчеты – они же доходяги! Худые, еле двигаются. Какие из них солдаты?

– А что ты знаешь про модифицированных? Про их возможности? Я был знаком только с двумя, как и ты. Да и то недолго. Я ничего не утверждаю. Может, они обычные оборванцы. Но это шанс, и я не хочу его упустить. Дай мне немного времени – я всё проверю. Если я не прав, пусть их забирают доктора и хоть на органы пускают. А если я прав?.. Ты хоть представляешь?

Полковник уже видел, что она представляла. Не верила, но представляла. И сейчас нужен финальный аргумент.

– И в конце концов всё – под мою ответственность. Если всё это окажется пустым, дураком останусь я. А если в парнях и правда что-то есть – это уже твоя инициатива.

– Прекрати. Я не девочка, чтобы меня мороженым покупать. И от ответственности я никогда не бежала.

Вивьен повернулась к маленькому столику, и стала наливать себе воду в стакан. Медленно. Все, игра сыграна, карты розданы. Полковник вернулся за стол, и уселся в свое кресло. Теперь только ждать вердикта.

– Сколько тебе нужно времени?

Вивьен не повернулась, а полковник мысленно вскинул вверх сжатые кулаки. Победа!

– Три недели. Максимум – месяц. Думаю, за это время мы все поймем.

– Месяц, – Вивьен повернулась к полковнику, и отпила из стакана. – Дам тебе месяц. Но – никаких "думаю" и "наверное". Через месяц либо ты мне предоставляешь неопровержимые факты, либо эти пацаны возвращаются к докторам, а ты получишь свою порцию дерьма. И поверь – порция будет немаленькой.

– Терпеть не могу маленькие порции, – как можно дружелюбнее улыбнулся полковник. – Спасибо. Когда будет санкция?

– Завтра до вечера будет у тебя.

– Прекрасно. Знаешь, я почти уверен, что...

– Дэвид. Не нужно сейчас ничего говорить, особенно если в твоей речи есть место слову "почти". Считай, что пока ты меня убедил. Но я прошу тебя – не заигрывайся. Если это люди Навигаторов, то они могут стать проблемой. Максимальная осторожность.

– Вивьен, у меня иначе не бывает, – сейчас полковник был серьезен. – И ты это знаешь. Иначе не дала бы мне санкцию.

– Хорошо. Прошу тебя держать меня в курсе этого дела. Раз в неделю хотелось бы получать от тебя отчет. И позволь все же уборщице у тебя прибраться.

– Разумеется. По отчётам – разумеется. По уборщице – не обещаю.

Вивьен театрально закатила глаза, поставила недопитый стакан на стопку бумаг на столе полковника, и вышла из кабинета. Полковник остался сидеть в кресле, задумчиво покачиваясь. Все удалось, и у него в руках реальный шанс. Страха не было: он давно привык отвечать за свои поступки. Было только предвкушение. Предвкушение серьезной работы.

Глава 5

Так мы с Орвином оказались в отделе безопасности второго сектора Атлантика. Ограничений и правил тут было побольше, чем в медицинском пункте, а кормили при этом все так же не очень. Тем не менее, мы считали произошедшее успехом – мы стали ближе к реальному способу вернуться на Старобор. Я был уверен, что такой замечательный и сложный аппарат, как перевозивший нас вирон, сможет добраться до Медведя, Марии и всех остальных. Под «всеми остальными» я старательно прятал в основном Крапиву, которую отчего-то вспоминал особенно часто. Одним из моих любимых занятий перед сном было представлять себе сцену нашего с Орвиным триумфального возвращения. На вироно, с солдатами, подчиняющимися нашим приказам. Шаг за шагом я в своих мечтах восстанавливал порядок и справедливость, уничтожая врагов и завершая процесс провозглашением Медведя новым князем. Мысли были приятные, но самое главное – они напоминали мне, зачем мы здесь, и что должны сделать.

Полковника за прошедшую с момента нашего прибытия к военным неделю мы видели всего три раза. Два раза он приходил на наши тренировки, и всегда стоял в стороне, на специальном балконе над тренировочной площадкой, и наблюдал. О, да – нас то ли тренировали, то ли испытывали. Нас заставляли бегать, ползать, прыгать и уворачиваться, проходя хитрую, но на самом деле не очень сложную полосу препятствий. Поначалу мы тренировались вместе, но достаточно быстро нас с Орвиным разделили. Кроме того, мне вручили какой-то неказистый ненастоящий меч и предложили продемонстрировать свои навыки фехтования. Я как мог покрутился, пытаюсь вообразить себе соперников вокруг, но я и сам прекрасно понимал, что ничего хорошего из этой демонстрации не вышло: себя бы я таким образом точно не убедил. Это оказалось тяжело – пытаться драться всерьез против воздуха.

Кроме этого, нас постоянно водили на разные тесты в лаборатории вроде тех, в которых мы уже бывали у доктора Шеви. То заставляли ловить в произвольном порядке падающие с потолка шарики, то – уклоняться от зелёных лучей, которые стремились попасть по нам, не делая нам больно, но при каждом попадании в тело заставляя противно взывать сирену. Нас постоянно замеряли и брали кровь маленькими иголками. В общем, неделя выдалась совсем нескучной.

С нами занимался в основном помощник полковника – сержант Марио Буонтакорта, отличавшийся не только сложной фамилией, но и крепким телосложением, а также полным отсутствием чувства юмора. Сержант был всегда коротко подстрижен и гладко выбрит. Разговаривать он не любил, предпочитая в любой ситуации обходиться необходимой парой слов. Он будил нас по утрам, водил на тесты и тренировки, сопровождал в столовую – в общем, оставлял нас в покое только поздно вечером, когда мы ложились спать.

Сегодня вечером, после ужина, когда мы с Орвиным мечтали уже оказаться в своих кроватях, сержант неожиданно отвел нас к полковнику. Мы недолго подождали у кабинета, а затем нас пригласили зайти. Кабинет полковника оказался небольшим и почти лишенным мебели. Рабочий стол с компьютером, негоряемый шкаф с оружием в углу – неизменный атрибут каждого кабинета отдела безопасности, как мы уже выяснили. Небольшой столик с водой и какими-то коробками у боковой стены, да окно с видом на вечную белую пелену за ним. Вот, пожалуй, и вся обстановка.

Полковник был один. Он сидел за столом, на котором царил образцовый порядок, и даже те несколько папок с бумагами, лежавшие перед ним, лежали ровно, с равными интервалами друг от друга. Полковник усадил нас на два простых стула напротив себя и несколько секунд просто молча нас разглядывал.

– Крис, Орвин, – кивнул нам полковник. – Прошла неделя с момента вашего поступления сюда. Хотел поинтересоваться у вас, что вы сами думаете об этом времени?

Мы с Орвиным переглянулись. Мы, конечно, много чего думали, и планы строили постоянно, но при этом понятия не имели, что именно хочет услышать от нас полковник.

– Да в общем ничего, сэр, – неуверенно ответил я. – Нас тренируют, исследуют. Кормят, опять же. Я надеюсь, что у нас все в порядке.

– В общем и целом – да. С вами все в порядке. И в то же время... Я чего-то не понимаю. Мы все что-то упускаем, как мне кажется. Топчемся на месте.

Полковник неожиданно встал из-за стола и принялся расхаживать по кабинету – туда-сюда, за нашими спинами.

– Результаты тестов у вас очень разные. Но странность – не в этом. Вот вы, Крис – вы показали очень неплохие цифры на полосе препятствий. Почти идеальные цифры на тестах на реакцию и ловкость. Но, например, в силовых тестах – слабо. И ваши навыки боя на мечах, которые, по вашим рассказам, спасали вам жизнь, меня совсем не впечатлили.

Полковник остановился у окна, испытующе глядя на меня. А я боролся с собой, успокаивая сразу две эмоции: во-первых, мне было обидно, что наше старание на всех тестах не оценено должным образом, а во-вторых, мне хотелось хоть какого-то понимания, зачем вообще все эти тесты проводятся. Да и вообще я не понимал, кому и что я должен доказывать. Я начал говорить, осторожно подбирая слова и стараясь не поддаваться эмоциям.

– Я не знаю, почему у нас разные и разнообразные результаты. Я никогда не считал себя особенно сильным. И на Староборе, на войне, мне скорее помогала скорость и ловкость, чем сила. Про меч... Я не знаю, что не так. Я никогда не дрался с воображаемым соперником. В дружине у Медведя мы всегда сражались с настоящими дружинниками – тренировочными мечами. В таких боях есть смысл стараться: даже деревянным мечом можно получить очень больно.

– То есть, вам не хватает вызова, Крис? Адреналин нужен? – мне показалось, что глаза полковника неуловимо сверкнули. – Что же, это можно устроить.

– А для чего вообще нас тренируют? – это спросил Орвин, который все еще очень плохо говорил на линго, несмотря на то, что ежедневно занимался дополнительно языком.

– Вас пока не тренируют, а только испытывают. Мы пытаемся понять, на что вы способны.

Я тут же вспомнил, как сперва Медведь, а потом и Мария говорили: многим будет интересно узнать, на что я способен. И что этот интерес может быть очень опасен, и прежде всего – для меня. Но я также понимал: полковник – не тот человек, который станет выполнять нашу просьбу просто так. Полковника нужно убедить, что мы ему нужны. Правда, я пока понятия не имел, как это сделать.

– Мне нужно понять, есть ли смысл вас держать здесь, в отделе безопасности. У нас нет места для посторонних. Мы – солдаты, мы следим за порядком, и защищаем Атлантик от разных... скажем так – проблем.

Я не нашел, что ответить полковнику, и промолчал. Как мы с Орвиным можем быть полезны таким солдатам, я понятия не имел. Вряд ли они дерутся с врагами на мечах – я ни у кого не видел холодного оружия. Полковник вернулся за стол.

– Давайте так. Мы проведем еще несколько тестов. Посмотрим вас в течение недели. Попробуем сделать проверки более реалистичными – особенно для тебя, Крис. А дальше – будем решать. Хорошо?

На этот вопрос ответ явно не подразумевался, и полковник распахнул дверь, за которой нас уже ожидал сержант. Нам оставалось только выйти, переваривая прошедший разговор.

Кому: Вивьен Рэшфорд

От: полковник Дэвид Крэтчет

Отчет о "попаданцах", неделя 1

Привет, Вивьен. Спасибо за санкцию — еще раз. Как мы и договаривались, расскажу тебе вкратце о нашем с тобой проекте.

Прежде всего – парни, похоже, действительно не врут, и родились они точно не на Атлантике. Некоторые анатомические и поведенческие детали подтверждают это с вероятностью выше 93%. Это почти исключает их связь с Навигаторами, хотя я не расслабляюсь – можешь не беспокоиться.

Дальше все неоднозначно. Тесты Криса и Орвина сильно различаются, почти всегда в пользу Криса. Если и есть шанс на то, что я прав, то скорее всего мы говорим только об одном парне из двух. Но даже Крис пока не убедил меня окончательно. Да, я откровенен с тобой, даже если мне самому это не слишком приятно признавать. Может, стоит Орвина отправить обратно к докторам? Может, это мотивирует Криса?

Несмотря ни на что, у меня есть еще пара идей, и в конце концов еще несколько недель. Что-то в Крисе есть. В отдельных тестах он показывает результаты, приближенные к результатам лучших солдат из моих боевых групп. А где-то он полностью проваливается. Что-то не вяжется.

В общем, пока новостей мало. Ты, разумеется, всегда можешь приехать, и проконтролировать санкционированный тобой процесс лично.

*С уважением,
полковник Дэвид Крэтчет*

***Кому: полковник Крэтчет
От: Вивьен Рэшфорд
Re: Отчет о "попаданцах", неделя 1***

Дорогой Дэвид.

Спасибо за отчет, и отдельное спасибо за разрешение приехать к тебе в отдел. Что бы я без этого разрешения делала — ума не приложу.

По содержанию: насколько я тебя поняла, пока никаких внятных выводов сделать невозможно.

*Разделять наших попаданцев пока считаю нецелесообразным.
Посмотрим, что покажет время.*

Вивьен

Следующий после разговора с полковником день ничем не отличался от предыдущих, проведенных нами здесь. Пара тестов, одна изматывающая тренировка на выносливость, да и все. А вот еще через день мы поняли, что полковник все же прислушался к нашему мнению. Точнее, понял это я.

В небольшом и уже до боли знакомом мне тренировочном зале, куда я пришел в компании сержанта, меня ожидали двое. Крепкие ребята в форменных майках и коротких шортах скрашивали ожидание разминкой. Бросив взгляд на балкон над залом, я увидел полковника: он сделал вполне понятный жест – «ну вот, как ты и просил». Наблюдающий за ходом тренировки военный, который обычно перед каждым занятием объяснял мне задания и порядок действий, подошел ближе.

– Сегодня – занятие по рукопашному бою.

– Я понятия не имею, что такое рукопашный бой, – происходящее в зале мне решительно не нравилось.

– Приказ полковника, – пожал плечами солдат, считая такое объяснение вполне достаточным.

– Хорошо, а что делать-то надо? Какие правила, порядок?

– Надо не дать себя побить, – совсем не шутливым тоном произнес солдат. – Правил немного, но главное условие на сегодня одно: лежачего не бьют. Если станет очень плохо, то лучше просто лежи.

Или мне показалось, или последнюю фразу он добавил от себя, искренне, с некоторой жалостью окинув меня взглядом с головы до ног. Мой собеседник отошел за мерцающее на полу ограждение активной зоны зала, и два уже разогревшихся солдата сразу двинулись в мою сторону.

Противники не спешили, приближаясь ко мне, слегка выставив обманчиво расслабленные руки вперед. Я интуитивно отступал, пока не подошел совсем близко к мерцающему ограждению, и не услышал предупреждающий об этом писк. Я уже хорошо знал, что если я коснусь ограждения, то получу удар током – не смертельная, но очень неприятная процедура. Один из бойцов подобрался ко мне на расстояние атаки, качнулся влево, и постарался достать меня дальним размашистым ударом ударом правой. Меня спасло только чудо, кулак бойца буквально просвистел у меня перед носом. Ого, похоже для меня никакой разминки не предусматривали.

Второй боец начал обходить слева, лишая меня маневра, и сильно усложняя задачу отхода. Они все еще не спешили. От следующих двух атак первого мне удалось уклониться, но в тот же момент включился второй. Он быстро и очень точно ударил меня ногой в голову, и я едва успел подставить руки, защищаясь. И тут же пропустил два удара по корпусу – бам, бам, как два молота вонзились мне в живот, выбивая из тела дух. Я рухнул на пол как подкошенный, и несколько мгновений не мог вдохнуть, скрючившись от боли. Наконец, с хрипом и каким-то жалким всхлипом я втянул в себя воздух, и тут же закашлялся. Два мох соперника отошли на пару шагов. Лежачего действительно не били. Святой Круг, как же хорошо лежать! Я мельком глянул на полковника – тот наблюдал за нами, скрестив руки на груди. Ну ладно, давайте попробуем еще раз.

Я с некоторым трудом встал на ноги, и мой соперники разом подобрались, выставили опять вперед одну руку, вторую держа ближе к телу. Конечно, их этому учили – с горечью подумал я и попытался скопировать их стойку. Первый боец в этот раз атаковал без ложного замаха, не тратя на него силы. От удара в голову я ушел вниз, и тут же кувыркнулся назад, уходя от удара ногой. Второй боец надел слева, и мне опять пришлось буквально прыгать в сторону. Дистанцию я разорвал, но оказался в углу площадки, лицом к двум свежим и совершенно не собирающимся уступить соперникам. Мда.

В углу моя возможность уходить от ударов резко уменьшилась, и все снова закончилось быстро – я уклонился от одной атаки ногой в голову, кое-как заблокировал руками удар в мой многострадальный живот, и тут же пропустил два удара кулаком: правый прямой, и левый, прилетевший сбоку. Первый удар потряс меня, оглушив звоном в ушах, а второй отправил на пол. Я рухнул и даже не сразу понял, где я. Болело одновременно везде, а к зубам я боялся даже прикоснуться языком. Лицо странным образом потеряло чувствительность, и лишь проведя ладонью по нему я понял, что это именно моя кровь активно капает на светлый пол тренировочного зала.

Я не знаю, что именно вызвало волну злости внутри: то ли вид своей собственной крови, то ли взгляд на полковника, который чего-то ждал, облокотившись на перила балкона с грустным видом, то ли осознание того факта, что мои соперники все еще здесь, и ждут, когда я встану. Я ощутил знакомый жар, поднимающийся бурным штормом изнутри, и нарочито медленно поднялся. Рукопашный бой? Ладно, давайте попробуем.

Солдаты, вновь шагнувшие в мою сторону, как только я поднялся с пола, теперь двигались заметно медленнее, но я уже знал – дело было не в них. Я даже успел разглядеть что-то вроде жалости в глазах одного из них, когда второй атаковал. В этот раз я ушел вниз от первой атаки, скользнул вдоль самого ограждения, уходя от второй, и тут же увернулся от пинка ногой, уйдя в сторону и толкнув атакующего от себя, продлив его движение. Тот этого не ожидал, и сделал по инерции лишний шаг вперед, на ограждение. Контур коротко вспыхнул красным, и боец выругался, получив удар током. Впрочем, этих тренированных ребят такая заминка не остановила – они казались лишь удивленными моей неожиданной прытью.

От нескольких следующих атак я просто уворачивался, пока меня снова не зажали в другом углу зала. Уход вниз, уход в сторону, предупреждающий писк контура. Я заметил просвет между нападающими и нырнул туда, но один из них всё же успел «проводить» меня ударом ноги в бок. Я рухнул у ног солдат, чувствуя, как бок взрывается болью. Боль, впрочем, почти сразу отошла на второй план, уступив место злости. Я никак не мог привыкнуть к этим странным и очень сильным ударам ногами. На Старборе я ничего подобного не видел. Надо что-то с этим делать.

Легко уклонившись от следующей атаки, я не стал отступать, а шагнул к первому бойцу и со всей силы ударил его кулаком в лицо. Ощущение было таким, будто я ударил по камню – да ещё и неровному: кулак онемел от боли, но я получил своё мгновение триумфа и передышки. Боец с недоумением тряхнул головой, и вот с этого момента взгляд обоих нападающих стал предельно серьезным.

От нескольких следующих атак я уходил играючи, пока ярость, все ещё набиравшая силу внутри, не переполнила меня. Я сделал вид, что ухожу влево, но вместо этого рванул вперёд – прямо между двумя бойцами. Один из них успел непостижимым образом среагировать, выбросив мне в живот ногу. Я перехватил его голень и со всей силы ударил по колену опорной ноги – сбоку. Колено солдата хрустнуло и неестественно выгнулось вбок. Я выпустил из рук ногу вскрикнувшего от боли и уже неопасного для меня соперника, и кувырком ушел от атаки второго. Вскочил на ноги, в два прыжка оказался перед оставшимся на ногах бойцом, и ударил его локтем снизу вверх, вложив в этот удар всю свою ярость. Солдат ещё только падал, а я уже был рядом – обхватил его незащищённую шею, прижавшись к его спине вплотную, словно к самому дорогому мне человеку, и всё крепче сжимал душающий захват. Боец захрипел и попытался схватить или ударить меня, но я лишь вжимался в него сильнее, стараясь спрятать голову и не разжимая рук. Тут рявкнула сирена об окончании занятия, приводя меня в чувство. Меня схватили сзади за плечи, и я отпустил соперника, позволив оттащить себя в сторону от потерявшего сознания бойца.

– Ты что, совсем?! – заорал мне в лицо военный наблюдатель. – Убить его собрался?

– Отставить! – голос полковника громыхнул с балкона. – Всех троих в наш пункт первой помощи. Как только приведете в порядок этого – сразу ко мне его. Сержант, проследить.

Под «этим» он, разумеется, имел в виду меня. Оказывается, наш сержант тоже был тут, а я его и не заметил. Ну что ж, надеюсь, полковник получил то шоу, которое так хотел увидеть. Я до сих пор не имею понятия, что такое рукопашный бой, но внимание полковника я наверняка привлек.

Полковник сидел за столом в своем кабинете и смотрел на меня. Меня привели к нему после быстрого осмотра и обработки ран специальным гелем. Один зуб оказался выбит, два других шатались, но это не сочли серьезными травмами. По правде говоря, я тоже так не считал. Только лицо ныло, да болел живот – но терпимо. И вот я в кабинете полковника, и мы пару минут играем в тишину. Разница лишь в том, что это он меня вызвал, поэтому и начинать разговор следует ему. Он и начал:

– Ты травмировал двух моих бойцов, Крис. Хороших бойцов. Я не ожидал такой агрессии. Мы отнесли к тебе со всей заботой, и выполнили в конце концов твою просьбу – доба-

вили в твои тренировки адреналина. У нас на Атлантике цивилизованное общество, по большей части. Мы своих не калечим.

У меня в голове пролетел целый вихрь разнообразных ответов на первый вопрос полковника. От дерзких вроде "не таких уж и хороших бойцов, по-видимому, правда?" до защитных "вы сами виноваты, мне никто ничего толком не объяснил". Беда в том, что я все еще не мог решить, как мне вести себя с этим человеком. С одной стороны, привычкой командовать и решать проблемы он напоминал мне Медведя. Но и только этим: если в поступках Медведя я ощущал заботу, то в поступках полковника пока – только поиск непонятной мне выгоды. Однако, и ссориться с полковником я тоже не хотел. Если я правильно все понимал, то он был один из тех людей, которые могут нам помочь.

– Крис, ты меня вообще слышишь?

– Что? Да, я слышу. Мне жаль тех бойцов. – соврал я.

– Нет. Тебе не жаль.

Полковник сказал, как отрезал, и что удивительно – он был совершенно прав.

– Так что случилось, Крис? Что произошло? Как слабый парень вроде тебя чуть не убил двух опытных подготовленных солдат? Ты можешь мне сказать?

И опять, я был уверен, что полковник что-то знает. Просто он хочет услышать это "что-то" от меня. И еще – у меня сложилось ощущение, что я внезапно стал полковнику по-настоящему интересен, несмотря на его вроде бы категоричный тон. Возможно, именно из-за этого таинственного "чего-то" нас с Орвином и забрали от доктора Шеви. Поскольку моя голова явно решила серьезно разболеться, я решил сделать просто: рассказать все, как есть.

– Иногда, когда мне больно, или когда я чувствую серьезную опасность, я ощущаю в себе что-то вроде злости, – начал я, осторожно подбирая слова. – Все вокруг становятся медленными... Вернее, это я становлюсь быстрым. Боль чувствуется меньше, а сил становится больше. Даже не сил, а... Я даже описать не могу. В общем, я бы убил того солдата, наверное, если бы меня не оттащили от него.

Я замолчал, глядя на полковника. А он смотрел на меня, и по его лицу расплзлась улыбка. Настоящая, неподдельная улыбка.

– Верю. Что-то вроде этого я и ожидал услышать. Надеялся услышать. Нет, не в том смысле, что ты готов был убить спарринг-партнёра, а в том, как ты ощущаешь свой дар – точнее, своё предназначение.

Полковник замолчал, постукивая костяшками пальцев по столу. Я кашлянул, привлекая к себе внимание:

– Вы мне расскажете, что это такое?

– Да, расскажу, – после паузы сказал полковник. – А также постараюсь помочь эту твою злость контролировать. Но – не сразу. Сперва нужно многое прояснить. Нужно тренироваться. Только нужно сделать так, чтобы ты никого не убил. Случайно, разумеется.

– Мне нужно время, – качнул головой я. – После такого мне обычно плохо несколько дней. И всегда хочется есть.

– Еда не проблема. Я распоряджусь, чтобы тебя кормили усиленно. А вот времени у нас не так и много. Придется поработать форсированно.

– И ещё: я хочу учиться дальше, – мне надоело быть только товаром. Пора стать и продавцом.

– Что? – полковник искренне удивился.

– Учиться. Всему. Как мы с Орвином учились в вашей школе. Я мало что понимаю, а ваш биом очень развит. Я хочу всему этому научиться. Я хочу получить доступ к терминалу. Его же используют для хранения знаний и информации, верно?

– Ого, как ты заговорил, – вот теперь полковник был и зол и удивлен одновременно. – Почувствовал себя сильным? Решил, что можешь диктовать свои правила?

– Нет. То есть... немного. Все просто: я вообще не понимаю, что происходит. Все эти нескончаемые проверки, тесты... Драка вот сегодня. Зачем это? Зачем мы вам? Мы хотим вернуться на Старобор, где погибают наши друзья. И я вам помогаю в ваших тестах, но и вы должны нам помочь с нашей просьбой. Потому что это, в конце концов не так уж и...

– Кому и что я должен, решаю здесь я, и Совет Атлантика. И уж точно не такой сопляк, как ты. И что с тобой будет, решаю тоже я, между прочим. Подумай об этом.

– А то что? – ну вот, вот меня и понесло... – Убьете меня? А как же ваше "цивилизованное, по большей части" общество? Где своих не убивают?

У полковника аж зрачки расширились от ярости, но к его чести он почти сразу взял себя в руки. Глядя на меня, он крикнул в сторону двери:

– Сержант!

Сержанту понадобилось чуть больше секунды, чтобы оказаться в кабинете. Он что, стоял прямо у двери, держась за ручку в готовности?

– Увести. Из комнаты их сегодня никуда не выпускать. Ужин принести в комнату. Выполняйте.

Сержант слегка ударил кулаком правой руки по левому плечу – как я уже успел выяснить, у военных это был формальный жест приветствия или подтверждения команды. Он взял меня за плечо – осторожно, но крепко, и повел в нашу комнату.

Орвин был уже здесь, явно измотанный своей тренировкой, но оживившийся при виде меня.

– Ого! Что случилось? Кто тебя так? За дело хоть? Хотя, зная тебя – скорее всего за дело. Надеюсь, что те, кто это с тобой сделал, выплядут сейчас куда хуже тебя?

Я чувствовал себя уставшим, огорченным и злым одновременно. Кроме того, лицо и живот все ещё ощутимо болели. Чтоб хоть как-то отвлечься, я подробно пересказал Орвину свою сегодняшнюю "тренировку", и последующий разговор с полковником.

– И вот я сейчас боюсь, чтобы не повторилось все, как с Неизвестным, – закончив, я лег на кровать, морщась от боли.

– Ага, похоже, – кивнул мой друг задумчиво, но тут же встрепенулся. – Хотя, нифига не похоже. Смотри, Неизвестный думал, что ты ему нужен, и в тебе после вашего разговора разочаровался. Полковник... Ну, я не знаю, что он думал, но я полагаю, что он в тебе точно не разочаровался. Если все так, как ты сказал, и ты чуть не убил его лучших бойцов...

– Он не говорил, что это лучшие бойцы. Он сказал – "хорошие".

– Ай, отстань. Ты же понимаешь, о чем я. Так вот, я не думаю, что ты стал ему вдруг не нужен. Скорее наоборот. И это должно быть для нас хорошо.

– Я тоже так подумал. И потому рискнул. Надоело, что к нам относятся так... Ну, не знаю – как к детям. Идем сюда, сделаем то. Сейчас кушать, сейчас спать. Но при этом испытывают нас совсем не как детей. Вот я и решил...

– Да все ты правильно сделал! В конце концов, мы такие же люди, как они. И не просим многого. Ну что им стоит послать один этот вирон на Старобор? Ничего! А одного вирона хватит, я тебя уверяю! Как только этот вирон подлетит к Волчьей Тверди, твой Неизвестный и его люди синхронно наполнят замок содержимым ночного горшка – до самой крыши. И все – войне конец.

– Если бы все было так просто... Извини, если я все испортил, – неожиданно я понял, что отвечаю за свои поступки не только перед собой, но и перед моим другом. – Мне нужно было сперва посоветоваться с тобой.

– Ого, Крис... Тебе точно там здорово по голове надавали, раз ты со мной решил советоваться. Прекрати, все верно ты сделал. Я бы вообще попросил нас завтра на Старобор отвезти.

– А чего не сегодня? – улыбнулся я через боль в разбитой губе.

– Сегодня поздно уже. Я спать хочу. И тебе того же советую.

Совет был дельным. Я уснул, как только закрыл глаза. Мне снились те же великаны, что в детстве, на Вильме. Только теперь один из них был с лицом полковника, и его я боялся больше, чем других.

Убедившись, что Орвин и Крис уснули, полковник отключил монитор камеры наблюдения. Встав из-за стола, он подошел к окну, уставившись на бессмысленную белесую стену ветра снаружи. Полковник был человеком дела, военного дела. Он твёрдо знал: насильем и добрым словом можно добиться гораздо большего, чем одним лишь добрым словом.

Но полковник был человеком умным. И он знал: терпят поражения те, кто не способен проявлять тактическую гибкость. А терпеть поражение полковник не собирался – особенно сейчас, когда призрачное становилось реальным. Полковник приложил лоб к холодному прочному окну, постоял немного так – и вернулся к столу писать отчёт для Вивьен.

Кому: Вивьен Рэшфорд
От: полковник Дэвид Крэтчет
Отчет о "попаданцах", неделя 2

Привет, Вивьен.

Видишь еще не прошла вторая неделя, а я уже спешу тебя обрадовать – на мой взгляд, у нас наметился прорыв. Я не хочу забежать далеко вперед, но я почти уверен, что мы оказались правы, и Крис – именно тот, о ком мы думали. Не хотел бы передавать тебе все детали в отчете. Может быть, ты найдешь время посетить нас, и убедиться во всем самой?

*С уважением,
полковник Дэвид Крэтчет*

Кому: полковник Крэтчет
От: Вивьен Рэшфорд
Re: Отчет о "попаданцах", неделя 2

Спасибо за хорошие новости. Их не так и много в последнее время, чтобы ими пренебрегать. Если все так, как ты полагаешь, то это даже не хорошие, а охренительные новости, черт возьми!

Я обязательно приеду – хочу все увидеть сама. Однако, пока не могу сказать, когда именно. Обстоятельства требуют моего присутствия в Совете.

И да, еще одно: кто-то в Совете настойчиво интересуется нашим "проектом". Попадание к нам Криса и Орвина, разумеется, не тайна для Совета, но предметный интерес к ним кажется мне странным. Будь предельно осторожен, хорошо?

*Что бы странное не случилось: хорошее или плохое – я хочу сразу об этом знать.
До встречи, надеюсь – скорой.*

Вивьен.

Глава 6

Как это, наверное, почти всегда и бывает, в результате получился какой-то компромисс. Полковник предоставил нам с Орвиным доступ к терминалу, но с серьезными ограничениями. Доступные нам разделы определялись самим полковником, но даже эта скупая выжимка открывала перед нами такие чудеса, о которых мы раньше даже фантазировать не могли. Мы узнали о прародине человечества — планете Земля. Получили доступ к краткой истории развития жизни. Мы узнали о существовании физики, биологии, анатомии, математики и еще многих других наук. Время не позволяло нам углубляться ни в одну из этих волшебных ниш, но поверхностные знания я впитывал в себя жадно, в каждую свободную минуту. Нам даже разрешили заглянуть в сжатые отчеты тех, кто первыми ступил на поверхность Атлантиды. После короткого препирательства полковник открыл мне доступ к базе данных оружия и техники, имеющихся в арсенале Атлантиды, и я совсем пропал. Моя голова гудела, и я уже не помню, когда в последний раз спал без диких бессвязных снов.

Взамен этого полковник получил меня. Меня мучили на тренировках и спаррингах, причём мучения многократно усиливались тем, что соперники и организаторы всё время пытались вывести меня из нормального состояния, поднимая во мне ту самую волну ярости. Удавалось это далеко не всегда, но когда удавалось, то я боялся сам себя. Иногда у меня получалось остановиться самому, прежде чем моим спарринг-партнерам будет нанесен с трудом поправимый ущерб. Медпункт отдела безопасности работал без передыха. Покалеченные мною солдаты относились ко мне и к моим способностям далеко не так восторженно, как полковник, и вскоре мне стало неприятно даже появляться в столовой — я стал самым настоящим изгоем. Монстром, опасностью. Было понятно, что ни к чему хорошему все это не приведет, но полковник только гнал меня вперед, день за днем, не пропуская теперь ни одного моего занятия. После того как я получил доступ к материалам по оружию, я запросил возможность учиться стрелять и управлять различными транспортными средствами — и получил спокойный, но категоричный отказ.

Через пару дней после того как нам предоставили доступ к терминалу, я научился вычленивать из огромного объема информации нужное, не тратя времени на не очень существенные детали. Я очень надеялся, что у меня будет время изучить детали позже, пока же мне хотелось концентрироваться на главном. Меня все больше и больше поражала реальная разница жизни на Атлантиде и Вильме. Более того, порой я начал сам себя спрашивать — была ли у меня жизнь на Вильме, или это все какой-то бредовый сон? Я начал очень хорошо понимать удивление ученых, когда я им рассказывал о своем родном биомире.

Информация вливалась в меня половодной рекой. Я не знаю, как с этим справлялся мой мозг, но отдуваться за всё приходилось желудку: я ел непрерывно, обычно параллельно прогоняя видеоуроки или страницы текста на экране. Несмотря на такое питание я, как мне казалось, никогда не был полностью сытым. Да и некогда было думать о сытости — если я не тренировался, то учился, или спал.

Уже на третьем спарринге я стал замечать, что могу иногда ускорять приход волны ярости — мне нужно было просто сконцентрироваться на опасности, поверить в нее. Порой на спаррингах я был настолько физически истощен, что меня могли бы убить, а я бы не сопротивлялся. С таких занятий полковник уходил злым и недовольным, но я на эту тему не переживал. Иногда, когда я чувствовал себя получше, я старался настроиться на бой заранее. Сконцентрироваться на сложностях, и представить ту боль, которую мне предстоит пережить. И ярость порой откликалась, приходя ко мне, заполняя меня. Я не спешил делиться своими успехами в самоконтроле с полковником по двум причинам: во-первых, мне далеко не всегда удавалось

как вызвать свое ускоренное состояние, так и обуздать его. Во-вторых, я твердо решил, что рано или поздно мне пригодятся свои козыри в рукаве.

С Орвиным мы общались редко. В основном потому, что оба смертельно уставали — хоть мы тренировались раздельно, но гоняли нас обоих, каждого по грани наших возможностей. У Орвина на его тренировках не было спарринг-партнеров, потому что он стойко и упрямо отказывался проявлять даже зачатки склонности к чему-то боевому. Знания и информация тоже покорялись ему значительно сложнее, чем мне. Да и вся та рутина, которая поглотила нас сразу после моего разговора с полковником, была настолько однообразной, что нам попросту было скучно рассказывать друг другу свои однотипные дни. Когда же я пытался Орвину пересказывать то, о чем я узнал, прочитал или посмотрел — то есть действительно новую и порой ошеломительную информацию — он обычно засыпал. Причем делал это неосознанно, честно стараясь меня слушать и понимать, о чем же я все-таки говорю. Если бы у меня было время на то, чтобы подумать о наших с Орвином статусах здесь, то те события, которые произошли дальше, не стали бы для меня таким сюрпризом.

Кому: Вивьен Рэшфорд
От: полковник Дэвид Крэтчет
Отчет о "попаданцах", неделя 2

Вот и конец второй недели. Как я понял, тебе пока не удастся вырваться из бюрократии и политики. Что ж, могу тебя только обрадовать: сейчас я совершенно уверен, что Крис — именно тот, за кого я его принял. Возможно, с некоторыми оговорками, но что мы знаем о модифицированных, в конце концов? Сейчас, когда наш проект уже оказался успешным, нам нужно решить, как распорядиться таким подарком судьбы (или будет правильнее сказать — подарком небес, в самом прямом смысле?) наилучшим образом.

Все же очень рассчитываю на дальнейшую встречу с тобой. По понятным причинам удержать эту информацию внутри отдела безопасности будет сложнее с каждым днем, и рано или поздно слухи поползут по Атлантису.

Спасибо за предупреждение. Не знаю, чем нам может грозить излишнее внимание Совета к Крису... Они попросту опоздали. Но я начеку, всегда — ты же знаешь.

Еще один момент: для чистоты и полноты эксперимента я все же хочу ребят разделить. Орвин может вернуться к докторам, или куда угодно, лишь бы он был у нас под рукой, если он нам понадобится. Мне нужен этот элемент воздействия на Крису. Поверь, это ускорит процесс.

Буду ждать твоего ответа и визита.

*С уважением,
полковник Дэвид Крэтчет*

Кому: полковник Крэтчет
От: Вивьен Рэшфорд
Re: Отчет о "попаданцах", неделя 2

Дэвид, спасибо за информацию. Тут дурдом, и я в нем по уши завязла. К чёрту всё — на следующей неделе буду у тебя. Постараюсь приехать как можно скорее. Насчет второго парня — решай сам, я доверюсь твоему мнению в этом вопросе. До встречи,

Вивьен

Утренний спарринг получился интересным для меня и определенно приятным для полковника. Мне дали сразу трех спарринг-партнеров, которые были защищены от моей непредсказуемости легкой гибкой броней. В зал добавили деталей: камней, веревок, пустых ящиков и другого мусора. А моим соперникам дали дубинки: не тяжелые, но – электрические. Это стало для меня неприятным сюрпризом, особенно после того, как первое же легкое касание такой дубинки, которое я справедливо не считал опасным, повергло меня на пол, и заставило корчиться от электрического разряда. Уж не знаю – то ли я сам себя «завёл», то ли волна нахлынула сама по себе, но я смог ускориться почти сразу. Через пару минут спарринга мне удалось безнадежно запутать в веревке одного соперника, оглушить двумя ударами по голове второго, а третьего я так достал тычками его же электродубинкой, что он отказался вставать с пола и продолжать бой. Полковник на балконе театрально мне похлопал, и величественно удалился. Я же поплелся в душ, потом – в свою комнату. Которую застал пустой.

Нет, мои собственные вещи были на месте. Не хватало только вещей Орвина. Причем не только вещей, но и его кровати. Вместо кровати стояло какое-то вращающееся кресло и небольшой столик, вроде школьного. Я застыл на несколько секунд, вообще не понимая, что тут происходит, а потом решительно собрался к полковнику, добыть у него информацию – причем добыть любым доступным мне способом, несмотря на мою усталость после спарринга. Я успел сделать шаг, когда дверь в комнату открылась, и тот, к кому я собирался идти, сам шагнул в комнату.

– Не возражаешь, если я присяду? – полковник взял кресло за спинку и повернул его ко мне.

– Где Орвин? – я не был настроен на вежливость.

– Орвин у доктора Эмиля Шеви, – спокойно ответил полковник, усаживаясь в кресло. – Или на пути к нему, они вылетели совсем недавно.

– Что случилось? – удивление и непонимание слегка разбавили мое настроение.

– Травма на его тренировке. Он упал на руку, и упал неудачно. Ничего серьезного, я тебя уверяю. Ничего такого, с чем бы наша медицина не справилась в два счета.

– Но у нас тоже есть медпункт! И он вполне справляется с травмами... – я проглотил окончание фразы: "тех солдат, которые спаррингуют со мной".

– Да, кое-как справляется. А если начистоту – то нет, не справляется. И ты прекрасно знаешь, почему.

– Не я назначаю себе спарринги!

– Не ты! Но ты мог бы лучше себя контролировать!

– А вы могли бы дать мне побольше времени! Я уже забыл, когда я отдыхал!

– А-а-а, так ты хочешь отдых?! Нет проблем. Я тебя хоть сейчас готов вслед за твоим другом отправить. Отдыхайте сколько влезет. Но тогда не проси меня помочь тебе попасть на Старобор.

Этим он меня удивил. Я открыл рот, потом закрыл. Помолчал, загоняя эмоции вглубь. А это мне давалось всегда непросто. И спросил уже спокойнее:

– Когда я смогу пообщаться с Орвиным?

– Да хоть сегодня вечером. Когда он придет в себя после операции. Я уже велел соединить твой терминал с его терминалом в медпункте Второго сектора.

– Спасибо. А... что с возможностью попасть на Старобор?

– Смотри, Крис, – полковник пружинисто встал с кресла. – Мне кажется, ты не до конца понимаешь, насколько я на твоей стороне. Или вернее – не ценишь этого. Ты получил здесь все, что хотел: уход, допуск к знаниям, допуск к специфическим знаниям – я имею в виду базу

данных по оружию. Ты тренируешься с лучшими солдатами. И за все за это я прошу от тебя только самоотдачи.

– И вы ее получаете.

– Допустим. Хотя я полагаю, что ты можешь куда больше, чем показываешь на тренировках. Но то ли не хочешь, то ли тебе чего-то не хватает. Не перебивай, черт возьми!

Мне хватило ума снова закрыть рот и промолчать.

– Ты даже не представляешь, сколько усилий стоило вообще привезти тебя сюда, в отдел безопасности, и содержать тебя здесь. Но ладно, не об этом сейчас. Я думал над тем, чтобы предоставить тебе учебный доступ к стрельбищу, и возможно – только возможно! – посмотреть, как мы могли бы поучить тебя управлять вироном. Ты понимаешь, что далеко не все мои собственные солдаты получают доступ к пилотированию? И то, самое быстрое через полгода обучения!

– Я был бы очень рад, – выдавил я из себя. На самом деле, я оказался совершенно сбит с толку таким эмоциональным напором полковника. – Я просто волновался за Орвина. Он мой друг.

– У тебя никто твоего друга не забирает. Ты можешь с ним общаться, в конце концов, я уже сказал. Но Крис – я теперь потребую от тебя что-то взамен. Я потребую полную твою отдачу. Не сто процентов, а двести. Понимаешь? Я хочу быть уверен сам, и убедить Совет, что мы не зря тратим время и ресурсы на тебя.

– Да. Я понимаю. И я обещаю стараться изо всех сил, – твердо сказал я.

– Ну хорошо, – полковник помолчал, и сделал шаг к двери, – Тогда мы друг друга поняли. С завтрашнего дня у тебя будет меньше спаррингов. Твоими стараниями отдел уже начинает ощущать нехватку здоровых кадров. Будешь мучать технику и мишени. Посмотрим, как у тебя с этим пойдет.

Полковник коротко глянул на меня и вышел из комнаты, оставив меня в разрывающих противоположных эмоциях. Моя душа все еще была беспокойна за Орвина, и я очень надеялся, что смогу с ним сегодня пообщаться по видеосвязи. С другой стороны, я был несказанно рад, что мне предоставят теперь уже физический доступ к оружию и технике: на мой взгляд, это еще больше приближало нас к цели. Поразмыслив, я успокоился. Орвина я здесь не потеряю. Наверное, отдых у доктора Шеви даже пойдет ему на пользу. В докторе я был уверен, а там уже подумаю, как нам с Орвином снова воссоединиться. А пока – мне нужно учить все то, до чего я смогу дотянуться. И тут полковник прав, мне нужно выкладываться не на сто, и даже не на двести, а на тысячу процентов.

Вечером с Орвином поговорить не удалось – его терминал не отвечал, и я заволновался всерьез. Поговорить получилось только на следующий день, после завтрака. Как только включилась видеосвязь, я нахмурился – мой друг выглядел далеко не лучшим образом.

– Ну, ты что? Без меня собрался помереть, что ли? – начал я нарочито грубовато, скрывая за шуткой тревогу.

– Ну, не все же такие непобедимые солдаты, как ты, – Орвин улыбнулся, но меня его улыбка не убедила. – Или эти, крутые убийцы, из древней истории Земли... Как их там?... Ну, ты мне еще зачитывал...

– Ниндзя, – мрачно ответил я. – Ты как? Что стряслось?

– Да, ерунда. На полосе препятствий добавили немного новинок, как будто мне и без них было мало. Какое-то бревно, по которому надо было быстро перебежать... А оно оказалось еще и подвижным. Ну я и рухнул. Говорят, что еще легко отделался. Руку вроде как сломал, левую. И пару ребер для комплекта тоже.

– Ничего себе – “легко отделался”!

– А как ты думал? Там падать было – несколько ростов вниз. Я даже успел испугаться, пока летел.

Я поймал себя на мысли, что ничего толком не знал о том, как и где тренируется Орвин. Потому что был слишком сосредоточен на себе – подсказал мне внутренний голос с едкой и горькой усмешкой. И еще я машинально отметил, что Орвин так и не привык к распространной здесь метрической системе.

– Выглядишь ты так себе, если честно.

– О, а ты у нас прям красавец, можно подумать! Нет, на самом деле я чувствую себя куда лучше, чем выгляжу. Доктора сказали, что это вроде как шок от падения. И сотрясение мозга к тому же.

– Было бы там чему сотрясаться, – пробурчал я, немного успокаиваясь. – Что тебе делают? Как... вообще?

– Да все хорошо, не переживай. Меня вроде как прооперировали, но я совсем ничего не помню – очнулся уже в своей комнате, той самой. Относятся хорошо, ты же знаешь. Доктор Шеви уже прибежал, радостный такой. Про тебя, кстати, спрашивал. Правда, мне вчера не до разговоров было, уж очень спать хотелось. Сегодня получше, но тоже в сон клонит.

– Да я вижу. Ты спи давай, поправляйся. Я просто хотел узнать, как там у тебя.

– У меня – лучше всех. Наконец-то без тренировок. Если честно, я уже не мог эти тренировки терпеть. Ты там как? Один остался...

– А что я? Я же непобедимый солдат, ты же знаешь.

– Да за тобой глаз да глаз нужен. Особенно когда ты не калечишь никого.

Орвин неукротимо зевнул прямо в терминал.

– Так, давай высыпайся. Поговорим вечером, или завтра днем. Главное, что у тебя все хорошо.

– Ага. Что-то я не могу... Ты уж извини.

– Все, пока. Я отключаюсь.

Мне очень хотелось поговорить с другом, рассказать ему о том, что мы стали еще на шаг ближе к возвращению. Но Орвин сейчас был явно не в состоянии меня выслушивать. Я смотрел на выключенный терминал и пытался понять, что же меня смущает. Вроде Орвину сейчас куда лучше, чем мне. И тренировки – они ему точно не нужны. Ну какой из Орвина боец! А вот друг из него отличный. И мне нужно в дальнейшем постараться не выпускать его из виду. За этими мыслями меня и застал явившийся за мной сержант. Пришла пора познакомиться с ручным оружием на практике.

Глава 7

Стрельбище находилось довольно далеко от отдела безопасности. Не знаю, по распоряжению ли полковника, или просто так было принято, но на стрельбище мы должны были не лететь, а ехать. Однако, перед этим сержант отвел меня в арсенал, где под бдительным взором нескольких вооруженных солдат мне выдали комплект серой формы, легкий шлем, легкие, но очевидно прочные ботинки и специальные перчатки. Облачаться во все это пришлось самому, и справился я с этим только с помощью сержанта. После того, как я закончил свое внешнее преобразование в курсанта, сержант выбрал несколько образцов оружия из многих, разложенных на большом железном столе, отобрал несколько зарядных батарей к ним, упаковал все во внушительных размеров сумку, и мы покинули здание отдела безопасности.

– Шлем нужен для защиты от пыли и всякого мусора, который тут может летать. Дышать вполне можно и без всего: атмосфера позволяет, – сержант меня просвещал, пока мы шли в сторону приземистого ангара неподалеку. – Но нам здоровые и зрячие солдаты нужны больше, чем незрячие, поэтому шлем является неотъемлемой частью снаряжения бойца снаружи здания.

Я шёл за сержантом, с удовольствием приравнивая шаг к ветру и вспоминая Вильм. Мой провожатый покосился в мою сторону:

– Обычно новичкам приходится долго привыкать к нашему ветру. Но ты явно знаком с такой погодой, если то, что я слышал – правда.

– Я не знаю, что вы слышали, – благодаря включенной двусторонней связи можно было говорить нормально, не крича. – но на Вильме, откуда я родом, почти такой же ветер, постоянно. А вот на Староборе – нет.

Сержант ничего не ответил. На моей памяти это был первый раз, когда сержант как-то упомянул мое происхождение. На самом деле я даже и не знал толком, что полковник говорит своим солдатам обо мне. Как он объясняет тот факт, что в наших спаррингах больше достается им, чем мне, несмотря на их физическое и численное превосходство. А может, он ничего и не объясняет.

Ангар изнутри оказался почти пустым большим помещением с тремя воротами, у которых в готовности стояли колесные открытые платформы, напоминавшие гигантских плоских жуков с двумя рядами стальных скамеек на спине. Раньше я видел такие платформы только в базе данных, и вот теперь у меня появилась возможность на одной прокатиться. Я вскарабкался на платформу, и уселся на одну из жестких неудобных скамеек. Сержант забрался на кресло водителя, расположенное спереди.

– AGM „Outland“, или "тракс", как ее называют солдаты, – сержант оказался сегодня разговорчив. А может, это было отдельное распоряжение полковника. – Колесная база для перемещения до двенадцати персон. Вооружения нет, защиты нет. Это просто транспорт, ничего большего. Нам ехать минут двадцать, дорога чистая, но потряхивать может. По инструкции, вне боевой ситуации все обязаны быть пристегнуты. Ремни ты найдешь у края сиденья, смотри, как они работают.

Сержант показал, я повторил. Ничего сложного, на самом деле.

Всю дорогу до стрельбища я смотрел по сторонам. Видно было немного, но я не заметил, чтобы мы проезжали мимо зданий. Места вокруг выглядели необжитыми.

– Стрельбище находится на окраине сектора, подальше от людей, – словно прочитал мои мысли сержант. – За стрельбищем лежит двенадцатый сектор, он нежилой.

– Часто проходят тренировки на стрельбище?

– Не так часто, как надо было бы, – в голосе сержанта я услышал разочарование. – Правда, и новичков у нас давненько не было. Хотя я всегда говорил, что всем – и новичкам, и бывалым бойцам – надо постоянно свои навыки тренировать.

– Кто напал на медицинский пункт пару недель назад? – рискнул спросить я.

– Навигаторы, кто же еще!

– А кто такие эти Навигаторы?

– Это ты лучше у полковника спроси, – после паузы ответил сержант.

Стрельбище оказалось огромным, расчищенным от растительности пустырем. Его территория была ограждена легким забором ("Если кто залезет и будет подстрелен – не наша проблема" прокомментировал мой недоуменный взгляд на не слишком надежную преграду сержант). На территории были установлены приземистые блиндажи для запуска и управления мишенями. Где-то в середине полигона был насыпан могучий пятиметровый вал, укрепленный неизвестными мне конструкциями. Все это я увидел на плане полигона, вывешенным на стене в единственной постройке сразу у въезда. Постройка предназначалась для экипировки и перезарядки оружия. Сейчас на полигоне, кроме нас с сержантом, не было никого. Я выглянул в окно постройки в надежде разглядеть хоть что-то, но, как и ожидалось, дальше нескольких десятков шагов не увидел ничего. И как тут стрелять?

– Ага, не видно ничего. Но это отчасти поправимо. Смотри, сейчас я активирую твой шлем.

Сержант нажал что-то на блоке управления, прикрепленном к его предплечью. Мой шлем еле слышно пискнул, и вдруг щиток перед моим лицом замельтешил разнообразными символами и цифрами. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, что информация передаётся на визор. Да, я про это читал, но в реальности все это выглядело очень необычно и здорово.

– У настоящих бойцов оружие связано со шлемом и с микрочипом, вживлённым в каждого из них. Сделано это для того, чтобы враг не использовал оружие убитых. Командир группы определяет, будет ли оружие сугубо индивидуальным, или один отряд получает право использовать оружие другого бойца из того же отряда. Курсантом чип не положен, потому оружие напрямую связано со шлемом. Прежде чем дам тебе оружие, скажу сразу: даже и не вздумай направлять его в мою сторону. В меня учебное оружие все равно не выстрелит, а вот тебя вырубит электроразрядом на несколько часов. А это болезненная процедура.

Я кивнул, показывая, что и не собирался наводить оружие на сержанта. Я вообще не понимаю, куда его наводить в этой белизне перед нами.

– Сейчас я активирую в твоём в шлеме еще несколько полезных функций. Так... Вот. Видишь?

Я увидел. Пустырь полигона, на который я глядел, обрел более глубокий обзор. Я вдруг увидел очерченные зеленоватыми линиями детали рельефа. Посмотрев назад и в сторону я обнаружил, что платформа, на которой мы приехали и оставили ее в паре сотен шагов отсюда, превосходно очерчена, и почему-то подсвечена красным.

– Ага, молодец. Шлем показывает тебе очертания предметов крупнее человеческой головы. Мелкие детали не очерчиваются, но вблизи их можно и глазами разглядеть. Кроме того, шлем оснащён тепловизором. То есть, он подсвечивает красным те объекты, которые теплее температуры окружающей среды. Синим будут подсвечиваться холодные предметы. Мишени, по которым мы будем стрелять, все теплые. Поэтому ты их увидишь. Привыкай, осмотрись.

Это было круто. Фигура сержанта целиком светилась красным и ярко выделялась на фоне стены. Я крутил головой, осматривая полигон, и наконец увидел те самые блиндажи и могучий вал впереди. Сержант продолжал:

– Теперь оружие. Вот это – автоматический магнитный ускоритель АМУ-101. Самое пространное у нас в отделе оружие.

Сержант держал в руках уже виденный мной ранее образец: оружие представляло собой длинный узкий прямоугольник с коротким дулом спереди. В нижнюю часть прямоугольника была встроена рукоятка, и где-то рядом также был спрятан спусковой крючок. Сержант чем-то негромко шелкнул, и отделил от оружия продолговатую часть снизу, а затем снял почти всю верхнюю часть ускорителя.

– Это, – он показал мне нижнюю черную коробку. – зарядный магазин. Полторы сотни выстрелов, разных характеристик – от простых до разрывных или бронебойных. Тип заряда переключается вот тут, большим пальцем, но сегодня тебе это не понадобится. Когда получишь оружие, и оно будет связано с твоим шлемом, увидишь в правом нижнем углу счетчик оставшихся в магазине боеприпасов. Запомни, это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.